(17)

6: II

1.

Новые міры

(по поводу 80 лѣтняго юбилея Толстого)

Je n'aime que ceux, qui cherchent en gémissant

Pascal

.... Я мучительно и долго искалъ, и не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно, упорно, дни и ночи, — искалъ, какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенья....

Л. Толстой. „Исповѣдь"

The time is out of joint!....

W. Schakespeare.

Созидающій и разрушающій міръ.

ВК ф 83 № 1

Въ бытность свою въ Парижѣ, Толстому случилось однажды присутствовать при смертной казни. Онъ нигдѣ подробно не описываетъ вынесенныхъ имъ отъ этого ужаснаго зрѣлища впечатлѣній. Только однажды въ „Исповѣди" встрѣчается у него слѣдующее краткое замѣчаніе. „Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то, и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ — не умомъ, а всѣмъ существомъ, — что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка и, что, если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно, я знаю, что это не нужно, что это дурно". Толстой былъ тогда еще молодымъ человѣкомъ — ему было что то около тридцати лѣтъ и вотъ тогда уже онъ находилъ возможнымъ противупоставлять свое личное мнѣніе мнѣнію всѣхъ существующихъ и существовавшихъ съ сотворенія міра людей. И, безъ всякого сомнѣнія, въ его словахъ нѣтъ

382×251

преувеличенія. Во всемъ мірѣ за все время его безконечнаго существованія нельзя было бы найти такую авторскую силу, которая заставила бы Толстого отказаться отъ его убѣжденій и признать смертную казнь не то хорошей, но хотя бы чѣмъ нибудь оправданной. Это — съ одной стороны. Съ другой — же, очевидно, и у Толстого не было той силы, которая была бы необходима для того, чтобы заставить людей перестать казнить своихъ ближнихъ. Теперь, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его путешествія въ Парижъ, онъ снова съ той же страстью возстаетъ противъ смертной казни и снова безрезультатно. „Не могу молчать" съ отчаяніемъ кричитъ онъ на весь міръ. Теперь онъ уже не неизвѣстный молодой графъ, путешествующій по Европѣ, теперь онъ самый знаменитый изъ всѣхъ живущихъ на землѣ людей; теперь его слышитъ весь міръ. Но и теперь, его громкій протестъ какъ и тогда, его молчаливое и тайное негодованіе, не оказываетъ никакого дѣйствія. Его слышатъ, но съ нимъ не считаются и продолжаютъ казнить. Толстой не уступаетъ и не уступитъ, міръ тоже не уступаетъ и не уступитъ, никогда не уступитъ: это знаютъ всѣ, это знаетъ и самъ Толстой.

Этотъ случай необыкновенно характеренъ для Толстого. Вся жизнь его есть постоянная борьба. Онъ хочетъ преодолѣть и передѣлать дѣйствительность, которую онъ искренно и отъ всей души

ненавидитъ и въ борьбѣ съ ней развиваетъ необыкновенную, поражающую людей, силу. Люди восторгаются имъ, преклоняются предъ нимъ — но дѣйствительность ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ ~~не уступаетъ~~. Она даже какъ будто вдвойнѣ торжествуетъ: вѣдь Толстой, колоссальный, огромный Толстой — тоже ея дѣтище, ея неотдѣлимая часть. Онъ принадлежитъ ей, онъ, протестующій и проклинающій; ее — ~~а она не уступила и не уступитъ~~. И своего великаго Толстого никому не отдастъ.

титаническую мощь

не поддается, остается тою же, что и прежде

плоть отъ ея плоти, кровь отъ ея крови

Вернувшая изъ заграницы Толстой далеко не въ умиротворенномъ настроеніи духа. ~~Ему~~ Тогда же заграницей Толстому пришлось увидѣть еще вторую смертную казнь — но уже не отъ руки людей. Умеръ его старшій братъ, добрый, умный, хорошій человѣкъ. Вдругъ, неизвѣстно почему, заболѣлъ и черезъ годъ мученій скончался. Опять ужасъ, опять Толстой могъ бы повторить, что, если бы всѣ существующіе и когда либо существовавшіе отъ сотворенія міра люди стали бы убѣждать его, что это нужно, что это хорошо, онъ знаетъ, что это ~~нехорошо~~ дурно, ~~что и~~ безусловно ненужно, что этого быть не должно. Но онъ даже уже не говоритъ этого и теперь, черезъ 50 лѣтъ, онъ не обращается къ природѣ, какъ обратился къ людямъ со своимъ страстнымъ призывомъ: „не могу молчать."

Съ людьми бороться кажется возможнымъ, негодовать противъ природы —

(~~это, какъ всѣ знаютъ,~~) безуміе.

~~И Толстой,~~

Всѣ знаютъ, чѣмъ и какъ отвѣтилъ Толстой на эти двѣ смерти. Онъ вернулся въ Россію, сперва было занялся педагогической и литературно-педагогической дѣятельностью, но вскорѣ женился и исключительно отдался своей семейной жизни, личнымъ дѣламъ и художественному творчеству. И, если бы въ то время, т.е. въ ~~нач~~ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, кто-либо попытался сказать Толстому, что его отвѣтъ — не отвѣтъ, что онъ не имѣетъ права ни на семейное счастье, ни на дѣловыя радости, ни на художественную работу — онъ бы умѣлъ дать отпоръ ~~на~~ всякому и защитить свои права противъ ~~на~~ ~~умѣстныхъ провѣрокъ~~ навязчивыхъ цензоровъ. „Я стою у ~~своего~~ порога свободомъ ~~съ~~ кинжаломъ и ~~револьверомъ~~ саблей — пусть попытается кто либо войти ко мнѣ ~~защищаю свой домъ отъ всякихъ посягательствъ~~". И голосъ его звучитъ такой рѣшительностью и непреклонностью, что едва-ли бы кто нибудь безъ особенной важной причины вступилъ бы съ нимъ въ борьбу. Каждому ясно, что это была бы борьба не на жизнь, а на смерть и что Толстой былъ готовъ и умѣлъ постоять за себя.

А между тѣмъ, по возвращеніи изъ заграницы въ жизни Толстого былъ періодъ, когда онъ чувствовалъ, что онъ погибъ, невозвратно погибъ, что защищать револьверами и ~~кинжалами~~ саблей нечего, ~~нечего~~, и, что вся его жизнь сведена на нѣтъ. Его педагогическая дѣятельность, какъ теперь уже для всѣхъ стало очевиднымъ, была лишь съ попыткой спастись путемъ

какой угодно трудной, сложной, поглощающей работы и заботы. Ему нужно было ~~работ~~ дѣйствовать, бороться, нападать — объ этомъ свидѣтельствуютъ съ достаточной ясностью его педагогическія статьи. Все, что дѣлаютъ учителя и общественные дѣятели — скверно, все не такъ. Все нужно измѣнить, передѣлать. Даже, впослѣдствіи, послѣ женитьбы эта вражда къ признаннымъ педагогамъ и общественнымъ дѣятелямъ продолжала жить въ Толстомъ, хотя собственно, причинъ ея вызвавшихъ уже давно не было. Но школьная дѣятельность, разумѣется, не удовлетворила и не успокоила Толстого. Наоборотъ она еще больше растроила ея. „Я чувствовалъ", признается онъ самъ черезъ много лѣтъ въ „Исповѣди", „что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться... я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически — бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животной жизнью".

Какимъ же образомъ отъ этого полубезумнаго душевнаго состоянія ~~душевнаго~~ пришелъ Толстой къ тому внутреннему спокойствію, которое, по его собственнымъ словамъ въ „Исповѣди" дали ему первые пятнадцать лѣтъ его семейной жизни? Объ этомъ въ „Исповѣди" почти ничего не говорится. „Исповѣдь" разсказываетъ лишь о томъ, почему съ Толстымъ произошелъ переворотъ въ концѣ 70-хъ годовъ, какъ же онъ спасся отъ своихъ ужасовъ въ ~~концѣ~~ пятидесятыхъ и началѣ 60-хъ — объ этомъ мы можемъ судить вѣрнѣе умозаключать лишь

На три четверти состоящія изъ самой рѣзкой полемики.

лишь по тѣмъ слѣдамъ, которые его внутреннія переживанія оставили на художественныхъ произведеніяхъ. Въ „Исповѣди" мы ~~лишь~~ находимъ всего одно, правда, чрезвычайно важное и цѣнное для насъ указаніе. „Я бы, говоритъ онъ уже тогда (т.е. еще до женитьбы) пришелъ къ тому отчаянію, къ которому я пришелъ черезъ пятнадцать лѣтъ, если бы у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасенье, — это была семейная жизнь."

~~Это~~ Указаніе чрезвычайно цѣнное. Во первыхъ мы узнаемъ, изъ него что еще въ молодости Толстой уже зналъ припадки того отчаянія, которыя впослѣдствіи, по его ~~собственному~~ признанію, чуть не довели его до самоубійства. А во вторыхъ, что для насъ еще важнѣе, мы можемъ установить фактъ что противъ самого безумнаго отчаянія — есть средство и не то, о которомъ говоритъ Толстой въ „Исповѣди" (т.е. не опредѣленная религія). Правда, средство временное — не на всю жизнь. Но, вѣдь пятнадцать лѣтъ срокъ не малый.

II

Толстой говоритъ, что это средство — семейная жизнь т.е. что семейная жизнь спасла его. Съ одной стороны — это какъ будто и похоже на правду, но съ другой стороны, если внимательно ознакомиться съ тѣми произведеніями, который Толстой написалъ въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ послѣ своей женитьбы, никакъ нельзя

ф. 88 л. II

согласиться, что его спасло возвожность изведать еще одну неизведанную сторону жизни. Весьма вероятно, ~~Я готов выразить~~, что Толстой, если бы он не женился, заболелъ-бы сошелъ бы въ концѣ концовъ съ ума даже можетъ быть покончилъ съ собой: Но это не значитъ, что семья дала содержаніе пятнадцати годамъ его жизни. ~~Несомнѣнно, что~~ Въ немъ были живы и иныя страсти и увлеченія, и интересы и были скрыты не только тѣ силы, которыя нужны человѣку, чтобы быть хорошимъ ~~человѣко~~ и счастливымъ семьяниномъ. Первые пятнадцать лѣтъ его семейной жизни были расцвѣтомъ его творческихъ силъ: онъ написалъ „Войну и Миръ" и „Анну Каренину". И, если онъ теперь сводитъ всю свою жизнь этого періода лишь къ семейному счастью, то лишь потому, что теперь она уже ему не нужна и забыта имъ. Толстой же ~~больше~~ менѣе, чѣмъ кто нибудь другой умѣетъ и главное хочетъ цѣнить то, что ему сейчасъ не нужно или безполезно. Съ неблагодарностью, которую онъ такъ хорошо въ свое время подмѣтилъ въ Наполеонѣ, онъ боготворитъ свои идеи ~~[illegible]~~, пока они въ порядкѣ, сильны и служатъ ему, но онъ-же ее бросаетъ, ихъ, когда они оскудѣваютъ и не нужны больше, какъ бросаетъ въ Россіи своихъ замерзавшихъ солдатъ ~~какъ только она оказывается для него безполезной~~ [illegible]

Такая неблагодарность свойственна должна быть свойственна всѣмъ великимъ людямъ они умѣютъ и должны умѣть безъ сожалѣнія разбрасывать богатство, ибо въ нихъ есть вѣра, что ~~тамъ, гдѣ~~ богатства будутъ, были бы только живы они, великіе люди. Толпу погой-

и изъ подъ земли выростутъ легіоны. Нѣтъ великаго человѣка, который бы, вслухъ или мысленно, сознательно или безсознательно, не произносилъ этой фразы. И Толстой, въ этомъ смыслѣ, смѣлѣй и безжалостнѣй, и безпечнѣй чѣмъ Наполеонъ и Помпей. Оттого его слова и ученіе столь многихъ отпугиваютъ. Онъ все разрушаетъ, чѣмъ, послѣ этого, жить? Но Толстому не страшно. Или, вѣрнѣе, страшно, очень страшно. Все, что разсказываетъ онъ о своихъ мучительныхъ кризисахъ, нисколько не преувеличено: его искренность внѣ всякихъ подозрѣній. Но эти муки — такъ же естественны и нужны Толстому, какъ женщинѣ муки родовъ. Сильнѣйшая, невыносимѣйшая боль — есть признакъ появленія на свѣтъ новой жизни. И, какъ извѣстно, женщина должна добровольно причинить ее себѣ.

У Толстого невыносимыя муки отчаянія всегда предшествуютъ великимъ событіямъ. Такъ было послѣ перваго кризиса, такъ было послѣ втораго. ~~Ему нужно было открыть новый міръ~~ Вспомнимъ, какъ описана въ „Войнѣ и Мирѣ" исторія Пьера Безухаго. Съ начала Пьеръ постепенно и незамѣтно погружался въ тину пошлости. Нелѣпые и безсмысленные кутежи съ Курагинымъ и Долоховымъ, потомъ еще болѣе нелѣпая женитьба, отвратительная жизнь съ совершенно чуждой ему женой, совершенное бездѣлье и пошлая клубная жизнь, дуэль, масонство и т. д. — Пьеръ, еще молодой человѣкъ, до такой степени запутался

въ тѣхъ или иныхъ словахъ,

что казалось для него нѣтъ и не можетъ быть спасенья. И вотъ спасенье пришло, пришло именно оттуда, откуда его можно было менѣе всего ожидать и въ такой моментъ, когда, казалось судьба занесла на нимъ руку не затѣмъ, чтобы спасти его, а чтобы добить. Моментъ просвѣтленія, очищенія Пьеръ испыталъ въ вечеръ того дня, когда французы на его глазахъ растрѣляли ~~восемь~~ пять человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, когда онъ самъ былъ ~~на очереди идти къ растрѣлу~~ приговоренъ къ смерти, ~~о сужден на смерть~~ и не былъ казненъ лишь въ силу какой то непонятной для него случайности. ~~Въ ту же ночь онъ встрѣтился~~ Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ Толстой душевное состояніе Пьера „Съ той минуты, когда Пьеръ увидалъ это страшное убійство, (казнь русскихъ) совершенное людьми, не хотѣвшими это дѣлать, въ душѣ его была какъ будто бы вдругъ выдернута та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ и все завалилось въ кузу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра и въ человѣческую и въ свою душу, и въ Бога. III, 55

Это состояніе было испытываемо Пьеромъ прежде, но никогда съ такой силой, какъ теперь. ~~Теперь~~ Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того

отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ завалился въ его глазахъ и остались одни безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь — не въ его власти". Я, конечно, могъ сдѣлать только небольшую сравнительно выписку изъ тѣхъ мѣстъ „Войны и Мира", которыя относятся къ жизни Пьера эпохи нашествія Наполеона на Москву. Совѣтую тѣмъ ~~читателю~~, которые хотятъ ~~рый хочетъ~~ ближе подойти и узнать смыслъ переживаній Толстого, особенно внимательно перечесть всѣ эти мѣста. Они многому научаютъ и многое объясняютъ — разумѣется въ томъ условномъ и ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ слова научать и объяснять примѣнимы, когда рѣчь идетъ о послѣднихъ вопросахъ человѣческой жизни. Какъ извѣстно, Толстой впослѣдствіи отрекся и отъ „Войны и Мира" и отъ „Анны Карениной". Въ своей „исповѣди" онъ открыто заявилъ, что его художественныя работы были сплошной ложью.

„Не смотря на то, что я считалъ писательство пустяками въ продолженіе этихъ 15 лѣтъ (послѣ ~~женитьбы~~) я 30
все таки ~~продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія~~

и рукоплесканій за мой ничтожный
трудъ и предавался ему, какъ средству
къ улучшенію своего матеріальнаго поло-
женія и заглушенію въ душѣ всякихъ
вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей"
Предъ нами два автобіографическихъ
утвержденія Толстого — раздѣленныхъ
приблизительно промежуткомъ времени
лѣтъ въ 15–17. Оба звучатъ необык-
новенной искренностью и правдивостью,
хотя по содержаніе ~~ихъ~~ они другъ друга
взаимно исключаютъ. Но не можетъ быть,
чтобы человѣкъ, который думалъ только
о славѣ и деньгахъ такъ разсказывалъ
устами Пьера о своей душевной борьбѣ.
Не можетъ быть, чтобы авторъ „Ис-
повѣди" такъ клевсталъ и, повиди-
мому, безъ всякой нужды на автора
„Войны и Мира", въ концѣ концовъ
на самого себя. Это станетъ еще
яснѣе, если мы прослѣдимъ дальнѣй-
шую исторію Пьера, вѣрнѣе, его душев-
ной метаморфозы. Мы помнимъ, что
разстрѣлъ русскихъ плѣнныхъ произ-
велъ на него подавляющее, уничто-
жающее впечатлѣніе. Нѣтъ больше
никакой надежды, все погибло, все
пропало: ни въ себѣ, ни внѣ себя нель-
зя искать спасенія. И вотъ, въ ночь того
же дня, когда Пьеръ съ такой безпощад-
ной очевидностью убѣдился въ томъ,
что Бога нѣтъ, что весь міръ, вся
жизнь безумная и отвратительная

Толстой въ „Исповѣди" ~~т. в. „исповѣди"~~ разсказывалъ не правду.

Но ~~не можетъ быть~~, чтобы „исповѣдь" была ~~нѣтъ~~

въ свой поистине дьявольской жестокости, вещь, въ ту-же ночь, когда онъ потерялъ всякую вѣру и всякую надежду, съ Пьеромъ произошло нѣчто такое, чего менѣе всего можно было ожидать. Опять будемъ говорить словами Толстого. Послѣ разговора съ Платономъ Каратаевымъ, котораго впервые встрѣтилъ Пьеръ въ вечеръ послѣ разстрѣла русскихъ плѣнныхъ, Пьеръ, какъ и остальные товарищи его по балагану улегся спать. „Наружи слышались гдѣ то вдалекѣ плачъ и крики, и сквозь щели балагана виднѣлся огонь; но въ балаганѣ было тихо и тепло. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ мѣрному храпѣнію Платона, лежавшему подлѣ него и чувствовалъ, что прежде разрушенный міръ теперь съ новой красотой, на какихъ то новыхъ и незыблемыхъ основахъ, двигался въ его душѣ" VIII, 61.

~~Отчаяніе Пьера и его вѣра~~

Если мы сопоставимъ и внимательно вглядимся въ то, что произошло съ Пьеромъ въ теченіи одного дня, даже въ теченіи нѣсколькихъ часовъ одного и того же дня, мы будемъ поражены: отъ крайняго отчаянія и совершенно невѣрія въ Бога, въ міръ, и людей отъ перешелъ къ твердой, прочной и прекрасной вѣрѣ въ міръ и творце.

Какъ это случилось? ~~Какъ возможно такое великое чудо~~? Не выдумалъ ли все это Толстой? Для того, чтобы, какъ онъ разсказываетъ въ „исповѣди"

Вѣдь это чудо, самое настоящее, ничѣмъ не объяснимое чудо, въ родѣ воскресенія Лазаря

получить много денегъ и рукоплесканій?
Но, тогда придется сказать, что, если это выдумано Толстымъ, то вѣдь у насъ нѣтъ никакого основанія быть увѣреннымъ въ томъ, что его писанія послѣ „Исповѣди" и сама Исповѣдь тоже не есть выдумка и обманъ ради какой нибудь пока еще не открытой имъ цѣли. Можетъ быть, послѣ его смерти, кто-либо доставитъ намъ матеріалъ, изъ котораго мы убѣдимся, что не только въ первые пятнадцать лѣтъ послѣ своей женитьбы, но и послѣдніе тридцать лѣтъ Толстой писалъ не то, что онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ и въ чемъ онъ былъ убѣжденъ, а то, что, по его соображеніямъ могло ему дать если не деньги и славу, въ которыхъ, можетъ быть онъ теперь и не нуждается, то какое-либо иное благо, скажемъ хотя бы власть надъ людьми, которая въ извѣстномъ возрастѣ человѣку болѣе мила, чѣмъ деньги, женщины и даже слава?!

III

Не будемъ, однако, торопиться съ разъясненіемъ замѣченныхъ нами противорѣчій. Да и вообще мнѣ кажется толстовскія противорѣчія, какъ и противорѣчія всякой большой и мятежной души, по самому существу своему не подлежатъ окончательному разъясненію. Если вы хотите послѣдовательности, внутренняго лада — изучайте жизнь средняго протестанскаго пастора, или Шикуровскаго ссыльнаго рыбака ремесленника, ~~добродушнаго честнаго~~ земскаго врача. У Толстого же и людей, по своей душевной организаціи, болѣе

или менѣе ~~на~~ него похожихъ нужно искать скорѣй путанницы и безпорядка. Противорѣчія въ ихъ жизни нужно отмѣчать — но отнюдь не затѣмъ, чтобъ претворить ихъ въ одномъ высшемъ синтезѣ. ~~Печать~~ Печатью непокорности и произвола отмѣчены, вся жизнь и все творчество Толстого, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. Сейчасъ иллюстрируемъ ~~это~~ наше положеніе нѣсколькими небольшимъ, но въ высокой степени любопытными примѣрами. — ~~изъ войны и мира~~.

~~Съ одной стор.~~ Въ первой части „В. и М." Толстому, между прочимъ приходится описать встрѣчу полкомъ Кутузова, въ пятой — оперу и знаменитаго опернаго пѣвца. Если бы ему пришлось теперь это сдѣлать, вѣроятно, у насъ получились бы совсѣмъ другія картины. ~~двѣ комическія сцены~~. Но, Тогда ~~еще~~ однако Толстой еще ~~любилъ~~ любилъ многое, къ чему впослѣдствіи сталъ равнодушнымъ — но любилъ менѣе всего сообразуясь съ тѣмъ, что вообще любятъ и цѣнятъ люди. И что онъ любилъ — было хорошо, важно и значительно, что не любилъ — пошло и смѣшно. И свои сужденія онъ умѣлъ высказывать съ такой неподражаемой увѣренностью и искренностью, что они невольно заражали.

„Ѣдетъ! закричалъ въ это время ~~маскальный~~ Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за ~~стремя~~ сѣдло, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и съ счастливымъ, рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ

и ими болѣе всего дорожитъ

во второй части, — какъ съ кли провинившаго солдата

8

— Смир-р-р-рно! закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальству."

Теперь описаніе оперы — я привожу не все, что было бы очень длинно и для нашей цѣли излишне.

„Мужчина въ обтянутыхъ панталонахъ пропѣлъ одинъ, потомъ пропѣла она. Потомъ оба замолчали, заиграла музыка, а мужчина сталъ перебирать пальцами руку дѣвицы въ бѣломъ платьѣ, очевидно выжидая опять такта, чтобы опять начать свою партію вмѣстѣ съ нею. Они пропѣли вдвоемъ, и всѣ въ театрѣ стали хлопать и кричать, а мужчина и женщина на сценѣ, которые изображали влюбленныхъ, стали, улыбаясь и разводя руками, кланяться."

Военная команда близка сердцу Толстого. ~~Въ~~ Голосъ командира полка потрясаетъ душу. Въ немъ можно различить три совершенно различныхъ оттѣнка: онъ и радостенъ, онъ и строгъ, онъ и привѣтливъ.

Вся же опера — одинъ дорого стоющій шумъ, какъ выразился не помню уже кто о музыкѣ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, въ такомъ родѣ Толстой говорилъ ~~уже~~ ~~даже~~ не объ оперѣ, даже не о музыкѣ вообще, а обо всемъ искусствѣ. И въ этомъ описаніи встрѣчи полка, тѣлесного наказанія и оперы сказался весь Толстой. Онъ всегда чего то ищетъ, за что-то борется. И то, что помогаетъ ему весь

Второй примѣръ описаній тѣлесного наказанія: „... Князь Андрей наѣхалъ на фронтъ взвода гренадеръ, предъ которыми лежалъ обнаженный человѣкъ. Двое солдатъ держали его, а двое взмахивали гибкіе прутья и мѣрно ударяли по обнаженной спинѣ. Наказываемый неестественно кричалъ. Толстый маіоръ ходилъ передъ фронтомъ и, не переставая и не обращая вниманія на крикъ, говорилъ:

— Солдату позорно красть, солдатъ долженъ быть честенъ, благороденъ и храбръ; а коли у своего брата укралъ, такъ въ немъ чести нѣтъ; это мерзавецъ — Еще, еще!

И все слышались гибкіе удары и отчаянный, но притворный крикъ....

Въ голосѣ же наказываемаго розгами — Толстой почти ничего не различаетъ. Его больше занимаетъ взмахъ гибкихъ прутьевъ. ~~Крикъ~~ солдата — неестественный, притворный.

въ его жизненномъ дѣлѣ

исканіяхъ и борьбѣ, то онъ, не справляясь ни у кого о разрѣшеніи, объявляетъ хорошимъ все-же, что ему мѣшаетъ такъ же произвольно или, если вамъ нравится больше, автомно причисляется къ дурному, неестественному, притворному. Онъ самъ, по поводу переживаній Пьера, даетъ намъ драгоцѣнное указаніе, чѣмъ руководствуется человѣкъ въ своей оцѣнкѣ дѣйствительности — конечно, такой человѣкъ, который не повторяетъ вслѣдъ за другими принятыхъ мнѣній, а старается и умѣетъ въ словахъ выражать свою дѣйствительную сущность. ...„ Съ той минуты, какъ Пьеръ созналъ появленіе таинственной силы; ничто не казалось ему ~~трудным~~ странно или страшно: ни трупъ, вымазанный для забавы сажей, ни этиженщины, спѣшившія куда-то, ни пожарища Москвы. Все, что видѣлъ теперь Пьеръ, не производило на него почти никакого впечатлѣнія — какъ будто душа его, готовясь къ трудной борьбѣ, отказывалась принимать впечатлѣнія, которыя могли ослабить ее". Вотъ основной двигатель Толстого — и въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ. Онъ принимаетъ то, что ему сейчасъ нужно для его жизненнаго дѣла и отвергаетъ все, что ему мѣшаетъ. Такъ судитъ онъ объ военной командѣ, о розгахъ и объ оперѣ, такъ судитъ онъ объ искусствѣ, такъ судитъ обо всемъ, о чемъ ему приходится судить. И отъ ему самодержавіе мысли выучило его отчаяніе: отчаяніе многому выучиваетъ. Даже такой олимпіецъ, какъ Гёте, черпалъ свои силы въ этомъ отверженномъ ~~[illegible]~~ проклятомъ людьми источникѣ....

Онъ ждетъ какую-то таинственную силу, которая дастъ ему державное право законодательствовать.

~~И, какъ странно~~!

9

~~Прежде, чѣмъ~~ ~~Прослѣдить дальше за переживаніями Пьера, мы должны обратить вниманіе на одно необыкновенно важное обстоятельство, которое можетъ быть ~~дастъ~~ откроетъ намъ доступъ въ тѣ тайники души Толстого, которые и для него самого закрыты.~~

IV

ВК стр 98 гл. III

Лѣтъ пять тому назадъ вышла книга знаменитаго американскаго психолога Джемса подъ названіемъ „Многообразіе религіознаго опыта." Книга во многихъ отношеніяхъ необыкновенно интересна и даже прямо, можно сказать, замѣчательна. Джемсъ, по своимъ умственнымъ привычкамъ и по своему воспитанію прежде всего — если ~~даже~~ угодно, даже послѣ всего ученый, т.е. человѣкъ привыкшій къ необычайной осмотрительности. Прежде, чѣмъ отрѣзать, онъ, по русской поговоркѣ, семь разъ отмѣритъ. И это, конечно, въ немъ драгоцѣннѣйшая черта, которая становится еще болѣе драгоцѣнной, въ виду его готовности отказаться если не отъ всѣхъ, то отъ многихъ основныхъ предразсудковъ, свойственныхъ той средѣ, въ которой онъ воспитался и жилъ и работалъ съ молодыхъ лѣтъ.

Уже во вступленіи къ своей книгѣ, онъ ставитъ столь непривычный, почти неестественный для ученаго вопросъ: кто даетъ намъ право утверждать, что опытъ и переживанія нормальныхъ людей долженъ составлять единственный матеріалъ {для} и источникъ истинныхъ сужденій. Ненормальный человѣкъ живетъ, чувствуетъ и думаетъ — съ какой же стати намъ отбрасывать, какъ ~~негодное все содержа-~~ непригодный для познанія матеріалъ все содержаніе его внутренней жизни? ~~Весьма воз-~~

А что, если какъ разъ его чувства и мысли могутъ привести насъ къ такимъ ~~из~~знаніямъ, даже откровеніямъ, о которыхъ нормальные люди и мечтать не могутъ? По~~вторяю~~ дчеркиваю, этотъ вопросъ поставленъ не мечтателемъ потомъ, даже не философомъ-художникомъ, въ родѣ Нитше или Шопенгауера. Джемсъ одинъ и видн~~ѣй~~ѣйшихъ представителей современной „положительной" мысли. Его учебникъ психологіи переведенъ на ~~всѣ~~ многія европейскія языки и служитъ настольной книгой для всѣхъ профессоровъ философіи.

~~Теперь~~ Напомню, что уже почти полвѣка тому назадъ, этотъ вопросъ въ такой же, пожалуй даже болѣе рѣзкой и удачной формѣ былъ поставленъ у насъ въ Россіи. Только не ученымъ, пользующимся большимъ славой и авторитетомъ, а малоизвѣстнымъ тогда писателемъ, Достоевскимъ въ „Преступленіи и наказаніи". Свидригайловъ, разговаривая съ Раскольниковымъ, о галлюцінаціяхъ, ~~соглашается~~ признаетъ ~~съ нимъ~~, что галлюцинаціи бываютъ только у больныхъ, ненормальныхъ людей, но дѣлаетъ допущеніе, что это обстоятельство ничего, собственно, противъ реальности галлюцинацій не говоритъ. Можетъ быть, условіемъ возможности пониженія извѣстнаго рода реальностей, является болѣзнь: здоровому недоступно то, что доступно больному. Тогда-же

одинъ очень извѣстный + увлекательный и хорошо научно образованный критикъ, приведя это соображеніе Свидригайлова и, сопоставивъ рядъ другихъ мыслей разныхъ героевъ Достоевскаго по своему строю очень напоминавшихъ только что изложенную мысль Свидригайлова, замѣтилъ: счастливый народъ беллетристы. Когда нашему брату, ученому человѣку, приходитъ въ голову какая нибудь дикая мысль — мы не можемъ изъ нея сдѣлать никакого употребленія. Нельзя даже признаться, что она побывала у тебя въ головѣ. А беллетристъ дѣло иное: ему всякая дичь годится. Вложитъ ее „въ уста" дѣйствующаго лица и правъ: никто не можетъ ничего возразить.[1])

Такъ вотъ дикая мысль Достоевскаго сейчасъ положена въ основаніе обширнаго изслѣдованія знаменитаго современнаго ученаго. Ненормальность, какъ и нормальность человѣка ничего не говоритъ противъ его внутренняго опыта. Значительность и незначительность переживаній опредѣляется по совсѣмъ инымъ признакамъ. И, даже болѣе того, особенно важные, интересные и глубокія переживанія, какъ показали наблюденія, свойственны именно людямъ ненормальнымъ, больнымъ. Сюда между прочимъ и относится всякая почти область религіознаго опыта. Съ послѣднимъ утвержденіемъ Джемса представителя положительная наука, какъ извѣстно часто охотно соглашается: для нихъ религія цѣликомъ относится къ области патологіи и подвергается изученію лишь для того, ~~чтобы~~ для

Приведу буквальныя слова Свидригайлова: „Я согласенъ, что привидѣнія являются только больнымъ; но вѣдь это только доказываетъ, что привидѣнія могутъ являться только больнымъ, а не то, что ихъ нѣтъ самихъ по себѣ... Привидѣнія — это, такъ сказать, клочки и отрывки другихъ міровъ, ихъ началъ. Здоровому человѣку, разумѣется ихъ незачѣмъ видѣть, потому что здоровый человѣкъ есть наиболѣе земной человѣкъ и, стало быть, долженъ жить одной здѣшнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну, а чуть заболѣлъ, чуть нарушился нормальный земной порядокъ въ организмѣ, тотчасъ и начинаетъ сказываться возможность иного міра, и чѣмъ больше боленъ, тѣмъ и соприкосновеній съ другимъ міромъ больше"... Свидригайловъ еще и заключеніе своеобразное дѣлаетъ: „такъ что, кончаетъ онъ свои разсужденія, когда умретъ совсѣмъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ". Джемсъ такого заключенія не дѣлаетъ.

чего изучаются всѣ проявленія болѣзненнаго тѣла и духа т.е. для того, чтобы найти средства борьбы съ ними. Джемсъ, какъ и Достоевскій, только совершенно смѣло и открыто (время, видно, наступило другое) ищетъ у больныхъ людей новыхъ методовъ добыванія истины. Джемсъ самъ признаетъ себя недостаточно больнымъ человѣкомъ и почти считаетъ это своимъ недостаткомъ, который ограничиваетъ его познавательныя способности — такъ что ему приходится прямо поступать въ науку къ ненормальнымъ людямъ и, въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ силу связанной съ недостаточной болѣзненностью, ограниченностью личнаго опыта, онъ самъ узнать ничего не можетъ, полагаться на опытъ болѣе счастливыхъ въ этомъ смыслѣ больныхъ людей.

истинъ и скорѣй, даже новыхъ

Больше всего Джемса интересуетъ — какъ оно и вполнѣ понятно — то, что религіозные люди называютъ откровеніемъ. По своему личному опыту Джемсъ совсѣмъ не можетъ судить объ откровеніи, ибо ничего подобнаго не испыталъ. Но изъ записокъ вѣрующихъ и въ особенности обращенныхъ т.е. перешедшихъ отъ невѣрія къ вѣрѣ людей можно многое узнать такого, чего самъ не видѣлъ и не слышалъ. И Джемсъ добросовѣстно изучалъ, на сколько возможно, показанія религіозныхъ людей, сличалъ ихъ между собою и пришелъ къ заключенію, что откровеніе — это фактъ, съ которымъ нельзя не считаться и что люди, испытавшіе откровеніе, знаютъ многое такое, чего люди обыкновенные не знаютъ.

Между прочимъ, между показаніями

многихъ другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ религіозныхъ мыслителей и никому неизвѣстныхъ обращенныхъ частныхъ лицъ, Джемсъ не разъ ссылается и на нашего Толстого. Только, повидимому, изъ всѣхъ сочиненій этого послѣдняго у Джемса знаетъ одну лишь „Исповѣдь". Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что художественное творчество Толстого ему почти не знакомо — или онъ имъ совсѣмъ не умѣлъ воспользоваться для цѣлей своего изслѣдованія. Это, можетъ быть, объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что Джемсъ подбиралъ все случаи ярко выраженной религіозности и, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, иной разъ придавалъ слишкомъ много значенія прямому внѣшнему, словесному, признанію, если угодно даже оффиціальному положенію человѣка, его по паспорту. Если данное лицо аффишируетъ себя вырующимъ и, сверхъ всѣми признано за такого, Джемсъ допрашиваетъ слои внимательно слушаетъ. Называетъ оно себя безбожникомъ — Джемсъ спокойно и пренебрежительно проходитъ мимо него, въ увѣренности, что отъ него онъ ничего не узнаетъ. Такъ онъ минуетъ Ницше, Гейне, Ибсена, Шопенгауера, Ренана и другихъ, которые могли бы его научить очень многому. Я думаю, что отчасти причина въ томъ, что, какъ Джемсъ самъ признается, ему лично чуждъ „мистическій" опытъ и онъ является лишь добросовѣстнымъ, но объективнымъ безпартійнымъ наблюдателемъ. При такихъ условіяхъ приходится придавать слишкомъ большое значеніе нарушенію, видимому и осязаемому, т.е. признанію, не просмотрѣть многаго и существеннаго нельзя.

Но, насъ, однако занимаютъ здѣсь не недостатки и пробѣлы въ начинаніяхъ Джемса, а его положительныя стороны. Важно, чрезвычайно важно уже

и то, что
(всторожно)
высказанная когда-то Достоевскимъ
мысль ~~уже~~ теперь не только не боится осужде-
нія ученаго критики, но имѣетъ бы
собой научный авторитетъ. Допуска-
ется источникъ познанія, который
прежде встрѣчался въ лучшемъ случаѣ
добродушной насмѣшкой. Можно уже гово-
рить ~~и~~ ~~гово~~ о самъ Джемсъ много и
серіозно говоритъ объ откровеніи. Но,
особенно насъ здѣсь занимаетъ то,
что непосредственно относится къ ~~обра~~-
щеніи или превращеніи Толстого.
Мы оставили Пьера (т.е. Толстого)
именно въ томъ моментъ, когда
съ нимъ произошло чудо внезапнаго
просвѣтленія. И произошло оно,
какъ мы помнимъ, ~~тогда~~ тогда, когда
этого менѣе всего можно было ожи-
дать, послѣ того какъ подъ вліяніемъ
пережитыхъ нечеловѣческихъ ужасовъ, онъ потерялъ
всякую вѣру и всякую надежду, когда
онъ уже не оборолся, не могъ думать
о борьбѣ, когда у него, какъ говорится
опустились руки и онъ пассивно,
безсмысленно шелъ на встрѣчу сво-
ей погибели, словомъ въ тотъ моментъ, когда уже все было кончено....
И, вотъ, оказывается, что случай съ Пье-
ромъ чуть-ли не является въ своемъ
родѣ типическимъ. Мало того, выяс-
няется, что такого рода переживанія,
какъ прекрасно показываетъ Джемсъ
были источникомъ того религіознаго
ученія, которое въ 15 вѣкѣ потрясло
всю Европу. У насъ, съ легкой руки Дос-
тоевскаго, принято пренебрежитель-
но относиться къ Лютеру и его ученію.

У насъ думаютъ, что протестанство это протестъ здраваго смысла и аккуратной добродѣтели противъ всего, что было ~~мистическаго~~ загадочнаго, прекраснаго и таинственнаго въ католичествѣ. Если угодно, нѣкоторый смыслъ и правда есть въ такомъ предположеніи. Современное намъ протестанство въ значительной степени есть обожествленіе средней, буржуазной морали. Но относить это на счетъ Лютера было бы въ такой же мѣрѣ несправедливо и исторически неправильно, какъ обвинять ученіе христіанства въ ужасахъ инквизиціи. Христіане т.е. называвшіе себя послѣдователями Христа дѣйствительно жгли на кострахъ и пытали своихъ ближнихъ, но Христосъ этому не училъ. И Лютеръ былъ слишкомъ глубокой, мощной, и ~~страстной~~ одаренной натурой для того, чтобы измышлять религію для осѣдлаго и устроеннаго буржуа. Его главная основная догма о спасеніи вѣрой и благодатью ~~та~~ та какъ разъ догма, которую особенно высмѣиваетъ и раціоналистически оспариваетъ Толстой, мнѣе всего имѣла своей цѣлью облегчить благополучный переходъ въ будущую жизнь благополучнымъ обитателямъ здѣшняго міра — какъ думаютъ ты, которые знаютъ ученіе Лютера {по обыкновенно учебникамъ и} какъ рядъ догмъ, оторванныхъ отъ человѣка, ихъ создавшаго. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ возмутительнымъ и плоскимъ на первый разъ кажется догма, утверждающая, что спасеніе христіанина возможно вѣрою

и только вѣрою, а отнюдь не дѣлами, не его личными заслугами. Въ сущности это утвержденіе какъ бы вывѣрачиваетъ на изнанку все Евангеліе, въ которомъ столько разъ и такъ настойчиво утверждается, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Но, послушайте самого Лютера. „Богъ, говоритъ онъ, есть Богъ смиренныхъ, несчастныхъ, угнетенныхъ, отчаявшихся, уничтоженныхъ; сущность его въ томъ, чтобъ вдохновлять смиренныхъ, питать голодныхъ, возвращать зрѣніе слѣпымъ, утѣшать опечаленныхъ, оправдывать грѣшниковъ, воскрешать мертвыхъ, спасать погибшихъ и утратившихъ надежды... Единственное препятствіе, стоящее на Его пути — это отвратительное и гибельное мнѣніе человѣка о самомъ себѣ: человѣкъ считаетъ себя правымъ и не хочетъ быть подлымъ, презрѣннымъ и осужденнымъ грѣшникомъ. Нужно, чтобы Богъ взялъ въ руки свой молотъ — т. е. ~~свой~~ законъ — чтобы изломать, разбить, обратить въ прахъ, уничтожить гордость этого дикаго звѣря, именуемаго человѣкомъ... И такъ велика тупость человѣческаго сердца, что въ этой борьбѣ своей совѣсти, когда божественный законъ исполнилъ свое дѣло, онъ все еще не постигаетъ смысла и значенія ученія о благодати. Онъ все хочетъ спастись иными кучами „Въ будущемъ, говоритъ онъ, я исправлюсь, я буду дѣлать то-то и то-то." Но, если ты не поступишь совершенно обратно, если ты не бросишь закоренѣлымъ сердцамъ, слишкомъ увѣреннымъ въ себѣ, Моисея съ его законами, если въ твоихъ ужасахъ и мученіяхъ ты не почуешь Христа, страдавшаго,

распятаго, умершаго за твои грѣхи — тебѣ никогда не спастись. ~~Что дашь~~ О чемъ можешь говорить ты? о своей власяницѣ, тонзурѣ, о своемъ цѣломудріи, повиновеніи, бѣдности? Что все это? Что дастъ тебѣ законъ Моисея и дѣла закона? Если бы я могъ благодаря моимъ дѣламъ и моимъ заслугамъ придти къ Христу и достойно любить его — для чего же было нужно, чтобы Онъ былъ преданъ ради меня? Но нѣтъ ни одного сокровища ни на небѣ, ни на землѣ, которое было бы достаточно цѣнно, чтобы искупить меня — только былъ одинъ Сынъ Божій: поэтому и понадобилось предать Его. Чтобъ спасти меня Онъ отдалъ не овцу, не вола, не золото, не серебро — онъ отдалъ самого себя, всего себя за меня, самого ~~послѣдняго~~ ~~рѣшительнаго~~ самого прегрѣшнаго изъ всѣхъ грѣшниковъ. Сынъ Божій умеръ — это вновь дастъ мнѣ мужество. Я для себя принимаю эту смерть: въ томъ истинная сила вѣры... Ибо онъ умеръ не для того чтобы оправдать праведниковъ, но чтобъ оправдать грѣшниковъ, чтобъ они стали друзьями Бога, наслѣдниками трона небеснаго...

Сынъ Божій умеръ — это дастъ мнѣ мужество — если можете постигнуть, и преклонитесь предъ глубиною этого величайшаго и таинственнѣйшаго парадокса. А между тѣмъ онъ встоитъ на пути всякого, кто не хочетъ или не можетъ удовлетвориться обыденными представленіями о сущности жизни. И толстой испыталъ, какъ мы видѣли, это. Пьеръ увѣровалъ, только послѣ того, какъ почувствовалъ

Богъ умеръ, что самъ онъ
что со всѣмъ, навсегда погибъ, что
нѣтъ для него на землѣ спасенія.
Почему такъ, я не знаю и не умѣю
объяснить; больше я понимаю, что
такое утвержденіе находится въ при-
момъ и очевидномъ противорѣчіи
съ логикой, со здравымъ смысломъ
и со всѣмъ повседневнымъ опытомъ
человѣка. Но, есть еще какой-то
опытъ, который даже научно выш-
коленнаго, осторожнаго и безприс-
трастнаго человѣка, заставляетъ
остановиться предъ собою. „Чѣмъ болѣе
вы чувствуете себя погибшимъ, тѣмъ
резюмируетъ ~~онъ~~ Дорога смыслъ приведенныхъ
нами словъ Лютера, тѣмъ болѣе вы
именно тотъ грѣшникъ, который
уже спасенъ жертвой Христа. Ж. Эту
доктрину Лютеръ вынесъ изъ соб-
ственнаго опыта." „Изъ собственнаго
опыта" — вы слышите, вы понима-
ете, что это значитъ?! Изъ такого
же опыта, какъ и то, изъ котораго
до сихъ поръ наука выводила свою
теорію естественнаго развитія и законъ причинности. Но,
какъ же согласить эти два опыта?
И, согласимы ли они? Вѣроятно,
нѣтъ. По крайней мѣрѣ никто
до сихъ поръ не умѣлъ согласо-
вать ихъ. То, что кажется исти-
ной человѣку одного опыта, пред-
ставляется нелѣпостью для человѣка
другого опыта. Отсюда знамени-
тое credo quia absurdum, на ко-
торое, ~~какъ увидимъ~~ такъ часто
и такъ несправедливо нападаетъ
Толстой. Но, если есть два стол-

различныхъ опыта, что одинъ человѣкъ съ ужасомъ, а другой съ надеждой можетъ сказать: сынъ Божій умеръ, если одинъ и тотъ же человѣкъ въ одинъ и тотъ-же день, какъ это было съ Пьеромъ, въ одинъ и тотъ же часъ даже, какъ это было съ другими можетъ уничтожить и вновь создать цѣлый міръ — то развѣ можно вѣрить въ нашу ложку, въ наши доказательства, и развѣ не былъ вотъ разъ правъ блаженный Августинъ, если только ему принадлежатъ эти слова, воскликнувъ credo quia absurdum.

примитивнымъ другъ и другу [illegible] /4

Законы

в ноги [illegible]?

ВК ф 108 л IV

IV

Пьеръ-Толстой разрушилъ и вновь создалъ міръ. Исталъ жить во вновь такъ неожиданно и чудесно созданномъ мірѣ. Разумѣется — у Толстого была не одна семья, какъ можно думать по приведеннымъ выше словамъ „Исповѣди". У него была цѣль жизни, т.е. онъ чувствовалъ свою жизнь осмысленной. Все, кругомъ него казалось ему прекраснымъ вплоть до душистаго бульона и мягкой, чистой постели. Одновременно съ разрушеннымъ старымъ міромъ погибли и всѣ эмпирическія затрудненія, которыя прежде отравляли жизнь Пьеру. Даже жена ли, Эленъ, которая одна стоила тысячи всякихъ другихъ трудностей и, пожалуй, могла бы чего добраго совершенно изуродовать гармонію новой жизни Пьера — даже и жена чудеснымъ образомъ была сметана съ его пути, также, какъ и державшіе его въ плѣну и терзавшіе

француза. „Ахъ какъ хорошо! Какъ славно! говорилъ онъ себѣ. По старой привычкѣ онъ дѣлалъ себѣ вопросъ: „Ну, а потомъ что? что я буду дѣлать?" И тотчасъ отвѣчалъ себѣ: „Ничего. Буду жить. Ахъ, какъ славно!" То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни — теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него только въ настоящую минуту жизни, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это отсутствіе цѣли давало ему то ровное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастье. Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру, — не вѣру въ какія нибудь правила, или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Прежде онъ искалъ Его въ цѣляхъ, которая онъ ставилъ себѣ. Это исканіе цѣли было только исканіе Бога. И вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ то, что ему давно уже говорила нянюшка: что Богъ — вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной.... Есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли котораго не спадетъ волосъ съ голова человѣка." Написаны эти слова Толстымъ для того, чтобы добиться денегъ и слава, ~~на~~ Вѣдь они

Какъ мы увидимъ, такъ похожи на то, что впослѣдствіи, уже послѣ „Исповѣди", послѣ своего втораго кризиса, писалъ Толстой о людяхъ, увѣровавшихъ въ Бога. И вообще всѣ тѣ черты, которые подмѣчаются въ обращенномъ Пьерѣ, должны быть свойственны и, по новѣйшему ученію Толстого, истинно религіознымъ людямъ. Пьеръ былъ всегда добръ, ласковъ и веселъ, всегда располагалъ къ себѣ всѣхъ окружающихъ и — въ противуположность тому, что было раньше, всегда зналъ, что ему можно и нужно, и чего нельзя дѣлать. Тѣ вопросы, которые прежде всегда повергали его въ мучительное недоумѣніе — теперь рѣшались ясно, легко, и просто. А вѣдь Толстой и до самого послѣдняго времени неизмѣнно держится того мнѣнія, что религія главнымъ, пожалуй, единственнымъ образомъ нужна для того, чтобы ясно, просто и легко разрѣшить столь страшный и для невѣрующихъ вѣчно мучительно-неразрѣшимый вопросъ: что дѣлать? Пьеръ на этотъ вопросъ умѣлъ отвѣтить и отвѣтилъ. Значитъ, была у него вѣра? У Левина, душевный кризисъ котораго, однако, изображенъ т-ымъ не съ такой любовью и стараніемъ, какъ душевный переломъ Пьера — и это объясняется близостью самого т-ого къ новымъ сомнѣніямъ — тоже все ясно, просто, и понятно. И тѣмъ не менѣе, конецъ Анны Карениной совсѣмъ не то, что конецъ „Войны и мира". Не даромъ Толстой писалъ

Фету „берусь за скучную и пошлую Анну Каренину съ однимъ желаніемъ поскорѣе опростать себѣ мѣсто для другихъ занятій". Это признаніе неоспоримо ~~вѣрно~~ искренне: Толстой тогда уже ~~чувствовалъ~~ слышалъ гдѣ то на окраинахъ своей души глухіе, неясные раскаты грома-предсѣда вѣстники великой грозы. Но вся „Война и Миръ" свидѣтельствуетъ о томъ, что въ тѣ годы (1864-69) Толстой считалъ себя въ такой-же мѣрѣ обладателемъ вѣры, въ какой считаетъ себя и теперь. И, сопоставляя его показанія изъ „Исповѣди" съ показаніями изъ „Войны и Мира" мы должны себѣ сказать, что и ~~въ тѣхъ~~ тѣ и другія одинаковы истинны. Два раза и если Богъ есть жизнь, если присутствіе Бога въ человѣкѣ узнается по тому, что въ человѣкѣ пробуждается сила жизни, то несомнѣнно Богъ былъ въ Толстомъ эпохи „Войны и Мира". Во все, что онъ предпринималъ, большое и малое — онъ вкладывалъ столько свѣжей энергіи и ~~кипучей~~ молодой страсти, точно онъ ~~только~~ былъ ~~вчера~~ первымъ человѣкомъ, вчера только созданнымъ Творцомъ — не знавшимъ ~~прошла~~ горькаго опыта и безконечныхъ разочарованій исчисло историческаго существованія. Онъ былъ „эгоистомъ", но эгоистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова — онъ умѣлъ много любить и эта любовь связывала его ~~не~~ только съ близкими, съ родными, но и ~~съ далекими~~ со всей его ~~ни~~ обширной, безконечной родиной. Онъ еще ~~больше~~ ближе подошелъ къ народу и умѣлъ отдаться всей душой не только его ~~пр~~ настоящему, но и прошлому. Каждая строчка войны и мира говоритъ объ этомъ.

Вспомните хотя бы эти столь прославившіеся слова: „благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотой и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ его до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью". Какая глубокая страсть, какой паѳосъ. И мы могли бы безъ конца приводить открывки изъ „В. и М." и даже изъ Анны Карениной, которые показываютъ, что Толстой совершенно радикально излѣчился отъ всѣхъ своихъ прежнихъ сомнѣній. По крайней мѣрѣ, если ~~нужно~~ позволительно думать, что о болѣзни и здоровьи можно судить по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. Больному все кажется постылымъ, дурнымъ ~~и тяжелымъ~~ увядшимъ. Здоровый — во всемъ видитъ красоту и молодую свѣжесть. Посмотрите, какъ Толстой этого періода описываетъ и чувствуетъ природу. ~~Не могу~~ Посмотрите, ~~какъ [illegible] разсказано~~ ~~даже о~~ съ ~~какой красотой~~ какъ онъ ~~пер~~ рисуетъ даетъ ~~все~~ торжественное благолѣпіе церковной службы, той службы, которую онъ такъ безжалостно высмѣиваетъ потомъ. ~~Нѣтъ~~ Ни одной стороны жизни не оставилъ онъ безъ вниманія — и все, даже безобразіе, при его прикосновеніе обращалось въ красоту. Крѣпостное право — вѣдь его не видно въ „В. и М.", хотя ~~[illegible]~~ количество

VIII, 150

2 2

крѣпостныхъ Толстому пришлось описывать. Даже ужасы войны — въ концѣ концовъ являются только темнымъ фономъ, на которомъ еще болѣе выдѣляется красота и благолѣпіе человѣческой жизни. Война и Миръ есть одна непрерывная музыка симфоній, безконечное славословіе Творцу, создавшему дивный міръ съ его неисчерпаемыми богатствами на радость и утѣху всему творенію. Это — ли не вѣра?...

X

И, вдругъ къ величайшему недоумѣнію всѣхъ тѣхъ, кто зналъ Толстого-писателя словно сразу порвались всѣ струны того дивнаго инструмента, на которомъ Толстой разыгрывалъ свой гимнъ Творцу — появилась „Исповѣдь". Все, что я говорилъ до сихъ поръ, заявляетъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ все ложь и притворство. Я ничего не зналъ, ни во что не вѣрилъ — но притворялся знающимъ учителемъ, ибо мнѣ были нужны деньги и слава. Теперь, вдругъ почувствовавъ ужасъ приближенія смерти, я всенародно каюсь въ своихъ грѣхахъ и отрекаюсь отъ всего, что я когда-то говорилъ. У насъ „Исповѣдь" въ теченіи цѣлой четверти вѣка не могла быть напечатана, распространялась лишь въ рукописи и не могла быть предметомъ публичнаго обсужденія, такъ что понемногу къ ней привыкали — ко всему можно привыкнуть — и она не произвела соотвѣтствующаго впечатлѣнія. Но, если бы

она своевременно т.е. непосредственно вслѣдъ за А.К. могла бы быть напечатана, ~~несомнѣнно~~ она должна была бы произвести потрясающее дѣйствіе. Если „Ц. и М", „А. К." — лживы, то гдѣ же правда? Если Толстой, искренности и правдивости котораго такъ вѣрили, лгалъ — то кому же послѣ того, вѣрить? {И тѣмъ не менѣе есть и „Исповѣдь" и „Къ чему моя вѣра" и всѣ послѣдующія художественныя и философскія произведенія?} И ~~самъ~~ Толстой ничего не предпринялъ для того, чтобы помочь читателю своему отвѣтить на этотъ вопросъ. Прежде я лгалъ, притворствовалъ, училъ, ничего не зная — теперь я искрененъ, говорю, правду и знаю — упорно твердитъ онъ — и только. Разбирайтесь сами.

Посмотримъ же, чѣмъ новая вѣра Толстого отличается отъ старой, и въ чемъ на нее похожа. Посмотримъ тоже, при какихъ условіяхъ произошелъ второй кризисъ и какъ онъ проявился во внѣ — и къ какимъ результатамъ привелъ онъ.

только ~~роде~~ дневъ и слов

Перерыв.

V

ВК стр 114 гл V

Несомнѣнно, что главнымъ вдохновителемъ „Исповѣди" и вообще всего творчества Толстого послѣднихъ 30 лѣтъ былъ страхъ смерти. И этого скрывать не нужно, ибо въ этомъ ни ~~только~~ нѣтъ ничего позорнаго, ~~но~~, Скорѣй наоборотъ, тотъ человѣкъ, который никогда не ужасался смерти и прожилъ всю свою жизнь такъ, какъ будто-бы

-го совсѣмъ и ожидаетъ въ концѣ концовъ смерть, есть прежде всего ограниченное существо, живущее, какъ животны з минутой. Паѳосъ ужаса смерти — величайшій изъ извѣстныхъ людямъ паѳосовъ. Трудно себѣ даже вообразить, до чего бы плоской стала ~~бы плоской~~ жизнь, если бы человѣку не дано было ~~бы~~ предчувствовать свою грядущую гибель и ужасаться ей. ~~Безъ преувеличенія~~ Вѣдь можно сказать, что все, что создано лучшаго, наиболѣе сильнаго, значительнаго и глубокаго во всѣхъ областяхъ человѣческаго отворчества — въ наукѣ, искусствѣ, въ философіи и религіи имѣло своимъ источникомъ размышленія о смерти и страхъ предъ ней. Какъ мы помнимъ, даже первая половина жизни Т. — получила всю свою силу и творческое напряженіе только благодаря тому, что мысль о смерти и гибели доводила его до отчаянія. Въ томъ отношеніи второй кризисъ, по существу своему, почти даже не отличается отъ перваго. ~~Разница лишь въ томъ, что~~ Но отысканное въ молодости средство спасенія Толстой теперь считаетъ никуда ни годнымъ и ищетъ иного, такого, которое выдержало бы всѣ испытанія. До сихъ поръ, какъ ~~ему~~ онъ разсказываетъ его вѣра въ Бога (онъ теперь, нужно замѣтить свою прежнюю вѣру не называетъ вѣрой, ~~если же я~~ ~~[illegible]~~ говорить о прежней его жизни его прежними словами) ~~то лишь въ~~ была вѣра въ радости и смѣль жизни. Онъ вспоминаетъ извѣстную восточную сказку

по считаю возможнымъ и даже необходимымъ

какъ человѣкъ виситъ на тонкой вѣткѣ надъ глубокимъ колодцемъ. Вѣтку непрерывно грызутъ двѣ мыши, бѣлая и черная такъ что каждую минуту она можетъ оборваться. На днѣ колодца — страшный драконъ, который проглотитъ его, какъ только онъ упадетъ. Вылѣзть изъ колодца — тоже нельзя: наверху поджидаетъ страшный звѣрь. И вотъ человѣкъ, въ столь ужасномъ положеніи вдругъ увидѣлъ нѣсколько капель меду. И, забывъ драконовъ, мышей и звѣря, онъ бросается на медъ и наслаждается его сладостью. Вспоминаетъ Толстой индусскую легенду о Сакіа-Муни, который вышелъ изъ дворца, въ которомъ онъ такъ жилъ, что не видѣлъ ужасовъ жизни и встрѣтилъ мертвеца, нищаго и больного. Наконецъ онъ дѣлаетъ большія выписки изъ Экклезіаста и повторяетъ вслѣдъ за библейскимъ мудрецомъ его печальныя слова: суета, суета и всяческая суета.

Все это образы, которые наиболѣе полно отражаютъ въ себѣ отношеніе къ жизни Толстого. Толстой, притомъ, настаиваетъ, что онъ былъ и духовно и физически здоровъ: что онъ могъ просиживать подрядъ по 8-10 часовъ въ кабинетѣ за занятіями и не отставалъ отъ мужиковъ въ полѣ за косьбой. Все это такъ, но въ здоровье человѣка, котораго преслѣдуютъ образы восточной сказки, легенда о Сакіа-Муни и стихи Экклезіаста плохо вѣрится. Правильнѣе было бы, если бы Толстой повторилъ бы то, что онъ сказалъ про себя 15 лѣтъ тому назадъ: я чувствовалъ, что я не

не совсѣмъ здоровъ и долго это не мо-
жетъ ~~повторяться~~ продолжаться". Да собственно
въ его „Исповѣди" встрѣчаются такія
описанія его душевнаго ~~забо~~ состоя-
нія, которыя почти прямо говорятъ
въ пользу нашего предположенія „Слу-
чилось то, что случается съ каждымъ
заболѣвающимъ смертельною внутреннею болѣзнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомоганія, на которые больной не обращаетъ вниманія, потомъ признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются въ одно нераздѣльное по времени страданіе. Страданіе ростетъ и больной не успѣетъ оглянуться, какъ уже сознаетъ, что то, что онъ принялъ за недомоганіе, есть то, что для него значительнѣе всего въ мірѣ, что это — смерть".
Если принять ~~[illegible]~~ въ соображеніе, что Толстому тогда не было еще 50 лѣтъ, что физически онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ здоровъ, что жизнь его сложилась такъ благопріятно, какъ только о томъ можетъ мечтать человѣкъ — т.е. что иными словами, если всѣ ужасы, испытанные Толстымъ были безпричинны (въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова), то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что психіатръ ни минуты не колебался бы въ діагнозѣ и предложилъ бы свои услуги и свой опытъ для лѣченія. Но, если мы и готовы согласиться съ діагнозомъ психіатра — то, несомнѣнно, нужно радоваться, что при второмъ, какъ и при первомъ кризисѣ Толстой не ввѣрилъ никому своей судьбы и самъ

31

сталъ лѣчить себя. Гейне разсказываетъ, что у негровъ существуетъ повѣрье, что если Левъ заболѣваетъ, то единственное для средство лѣченія — поймать обезьяну и разорвать ее. Толстой обыкновенно тоже такъ начиналъ свое лѣченіе. Въ первый ~~разъ~~ же свое заболѣваніе онъ съ ~~бѣшенствомъ~~ яростью набросился на ~~все, что~~ обезьянъ. Онъ разрывалъ на части и Наполеона, и военную науку, и педагогику и т. п. и —, какъ мы знаемъ, справился на долго онъ своей болѣзни. Во второй разъ повторилось тоже самое. Онъ сталъ искать обезьянъ — и, конечно, нашелъ ихъ въ достаточномъ количествѣ: современная дѣйствительность, вѣрнѣе, ~~вдѣйствительность~~ вообще представляетъ въ этомъ отношеніи только разъ embarras des richesses. Онъ напалъ на наше общество, на прогрессъ, на науку, на ~~религію~~ церковь и съ неутомимостью и энергіей человѣка, который только что взглянулъ въ глаза смерти, никому и ничему не давалъ пощады: прочтите не только „Исповѣдь" — прочтите „Переписка въ Москвѣ", „въ чемъ моя вѣра" „Какъ что же намъ дѣлать." Какъ и въ первый разъ, Толстой пощадилъ единственно только Каратаева — смиренный, многострадальный русскій народъ. Но, и то ненадолго. Постепенно угасала въ немъ и вѣра въ народъ, ~~ста-~~ ~~валая~~ уступивъ мѣсто вѣрѣ въ Богадобро, о которой ~~мы~~ намъ теперь и придется внимательно заняться.

Пока установимъ только тотъ ~~фактъ~~, что во второй разъ съ Толстымъ

произошла чудесное превращеніе.
Во второй разъ онъ самъ принужденъ былъ разрушить міръ и самъ же возсоздать новый. Настаиваю, на словѣ принужденъ. Все, что передаетъ Толстой въ своей „Исповѣди" и въ другихъ сочиненіяхъ втораго своего періода, все дышетъ необыкновенной искренностью, все правдиво. „Я мучительно и долго искалъ, не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно, упорно, дни и ночи, — искалъ какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенья..." Предъ нимъ стояла смерть — и несмотря на то, что она уже второй разъ явилась, и, что, какъ казалось бы, на этотъ разъ Толстой, наученный прежнимъ опытомъ, долженъ былъ бы знать, что съ ней возможно бороться и, что даже ее побѣдить можно — Толстой такъ-же ужаснулся, какъ и въ первый разъ. Три года онъ проводитъ въ мучительной отчаянной борьбѣ — и снова выходитъ побѣдителемъ. Теперь, какъ въ свое время Пьеръ, онъ утверждаетъ, что не боится больше смерти, что не боится больше ничего въ мірѣ. Но, если Она снова придетъ — что будетъ съ Толстымъ? Въ самомъ-ли дѣлѣ оно спокойно встрѣтитъ ее или снова всколыхнется въ немъ всѣ скрывшіеся ужасы и снова начнется титаническая нечеловѣческая борьба.
Не знаю, какъ смотрятъ другіе, не

[illegible] ее
слѣпо бы ему показалось, что это другая
новая ~~[illegible]~~ [illegible]

У знаетъ ли онъ ее теперь? Или опять
ему покажется, что она является
впервые?

знаю, что думаетъ самъ Толстой — но для меня весь смыслъ изученія великаго земнаго дѣла великаго русскаго писателя въ этомъ вопросѣ. И мнѣ кажется, что каждый разъ, когда Толстой соприкасается съ матерью-смертью въ немъ рождаются новыя силы, подобно тому какъ въ др. А. каждый разъ, рождались силы, когда онъ соприкасался съ землей. Оттого, вѣроятно, я ~~люблю преимущественно~~ меня преимущественно влечетъ къ себѣ Толстого измученнаго, испуганнаго, изнемогающаго, безсильнаго и болѣе равнодушенъ къ Толстому торжествующему, Толстому побѣдителю, Толстому-учителю. Когда я читаю въ сотый разъ „Смерть Ивана Ильича" или „Крейцерову Сонату" или „Хозяинъ и работникъ" — у меня духъ захватываетъ. Я чувствую, говоря словами Лютера, что Богъ взялъ въ руки свой страшный молотъ-законъ, но что этотъ молотъ въ рукахъ Бога. Wron

Сдѣлаю, мимоходомъ, указаніе, чрезвычайно на мой взглядъ важное, что такое чувство свойственно не одному мнѣ, что, съ другой стороны, онъ ~~инстинктивно~~ возникаетъ не только у пропитанныхъ средневѣковыми догмами монаха, но и у каждаго человѣка, который пытался выходить за устроенную ограду обыденной жизни. Не догмы, не воспринятое ученіе подсказали Лютеру его замѣчательныя слова. Правъ былъ ~~[illegible]~~ Вексеъ или ихъ

своего опыта. Тоже, говорю, вынесъ и Толстой, но, что еще любопытнѣе и важнѣе, то же вынесъ и Нитше и выразилъ ихъ въ словахъ, не менѣе страстныхъ и патетическихъ, чѣмъ Лютеръ. Я уже однажды приводилъ ихъ, но считаю возможнымъ и нужнымъ вновь повторить ~~привести~~ ихъ, для того чтобы хоть отчасти пролить свѣтъ въ ту кромѣшную тьму, которая волею судебъ или стараніями человѣка, сгустилась какъ разъ тамъ, гдѣ рѣшаются всѣ наши важнѣйшіе вопросы. „Школа страданія, великаго страданія — говоритъ Нитше — знаете-ли вы, что только въ этой школѣ до сихъ поръ совершенствовался человѣкъ? То напряженіе души въ бѣдѣ, которое дастъ ей силы, ея ужасъ при мысли о неизбѣжной гибели, ея смѣлость и находчивость въ искусствѣ выноситъ, претерпѣвать, истолковывать, утилизировать несчастье, — все, что когда либо было ей дано глубокаго, таинственнаго, хитраго, великаго: развѣ все это она получила не отъ страданія, великаго страданія? Въ человѣкѣ соединены твореніе — и творецъ; въ человѣкѣ есть матерія, обломки, глина, грязь, безсмыслица, хаосъ; но въ человѣкѣ же есть также творецъ, художникъ, твердость молота, божественный созерцатель, счастье седьмого дня: понимаете-ли вы эту противуположность? И понимаете-ли вы, что ваше сострадани-

126

направлено на „творенiе въ человѣкѣ", на то, что должно быть сформировано, разбито, выковано, разорвано, переплавлено, очищено, на то, чему по необходимости слѣдуетъ, должно страдать? А наше состраданiе — вы понимаете, къ чему относится наше обратное состраданiе, когда оно возстаетъ противъ вашего, какъ противъ худшаго изъ всѣхъ видовъ изнѣженности и слабости"? Развѣ эти слова — не буквальное повторенiе словъ Лютера? И, развѣ, не то-же намъ говоритъ въ „Смерти И. И." Толстой? И притомъ Нитше, Толстой и Лютеръ не сговаривались. О каждомъ изъ нихъ можно сказать, повторяя Джемса, что они вынесли свое „знанiе" изъ личнаго опыта. Но Толстой не признаетъ Лютера: Лютеръ говоритъ объ искупленiи — а современное знанiе и весь человѣческiй разумъ не можетъ принять въ серiозъ этихъ разговоровъ. Толстой не признаетъ и Нитше: „мальчишеское оригинальничанье полубезумнаго Нитше, пишетъ онъ въ одномъ своихъ послѣднихъ произведенiй, не представляющее даже ничего цѣльнаго и связнаго, какiе ни наброски безнравственныя, ни чьи не обоснованныя мысли... или безсвязныя, самыя пошлыя образы, бьющiя на эффектъ писанiя одержимого манiей всемiя бойкаго, но ограниченнаго и ненормальнаго нѣмца"[1]. Этотъ отзывъ Толстого о Нитше, такъ-же, какъ и его критика ученiя о благодати[1] странным

1) Что такое религiя и въ чемъ ея сущность вд

1) Изд. въ кр. 106 стр. „В чем моя вѣра

Исп. 115 Прочесть погр. вин

образомъ идутъ въ разрѣзъ съ основами его собственнаго ученія. „Утверждай о томъ, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, которое можетъ сказать одинъ человѣкъ ~~въ~~ другому" пишетъ онъ въ „Исповѣди". Въ ~~ста~~ книгѣ „въ чемъ моя вѣра" онъ еще подробнѣе распространяется на эту тему по поводу Матѳ. V, 23 „кто же скажетъ своему брату „рака" — подлежитъ синедріону, кто же скажетъ „безумный" подлежитъ геенѣ огненной. Рака значитъ „ничтожный". Посмотрите отзывъ Толстого о Ницше — въ немъ, какъ будто для того, чтобы нарушить особенно любимую заповѣдь Толстого во всемъ ея объемѣ, употреблены оба слова — и ничтожный и безумный. Но, какъ только дѣло касается „ученія" — Толстой первый всегда предаетъ примѣръ неисполненія собственныхъ правилъ, словно ~~для~~ затѣмъ, чтобъ предупредить и спасти отъ соблазна покорности своихъ учениковъ и послѣдователей. Не въ моемъ ученіи, не въ моихъ правилахъ и заповѣдяхъ дѣло, говоритъ онъ всѣми своими ~~поступками~~ дѣлами и даже книгами своими. Если хотите быть со мной — пренебрегите моимъ ученіемъ....

~~Вѣроятно, эти строки не попадутся на глаза Толстому. О немъ всегда — а теперь въ особенности такъ много пишутъ, что онъ не можетъ прочесть и сотой доли всѣхъ посвященныхъ ему статей. Но, если бы попались, онъ бы навѣрное, сказалъ обо мнѣ, какъ говорилъ о Ницше — „рака" и „безумный", не испугавшись ни Синедріона, ни геенны огненной~~

Перемѣна [illegible]

VI

Я указалъ на то обстоятельство, что второй кризисъ во всѣхъ ~~смѣслахъ~~ явля-

ВК 122 ш VI

22 Ногу тарѣ о Цезарѣ

ется повтореніемъ перваго кризиса. Тоже причина была — ужасъ смерти, тоже душевное состояніе — отчаяніе, тоже средство — разрываніе обезьянъ, и, наконецъ — тоже спасеніе: вѣра въ Бога. Вотъ какъ описываетъ свое второе спасеніе: „я оглянулся на самого себя, на то, что происходило во мнѣ и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ него и я умираю. Что же такое эти оживленія и умиранія? вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, если бы у меня не было смутной надежды найти его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Такъ чего же я ищу еще? воскликнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ Онъ. Онъ есть то, безъ чего жить нельзя. Знать Бога и жить — одно и то-же. Богъ есть жизнь. Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. И сильнѣе, чѣмъ когда нибудь все освѣтилось вокругъ меня и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня. И я спасся отъ самоубійства. Когда и какъ совершился во мнѣ этотъ переворотъ, я не могъ бы сказать. Какъ незамѣтно, постепенно уничтожалась во мнѣ сила жизни, и я пришелъ къ невозможности жить, къ остановкѣ жизни, къ потребности самоубійства, такъ же постепенно, незамѣтно возвратилась ко мнѣ эта сила жизни. Истранна, что ты

сила жизни, которая возвратилась
ко мнѣ, была не новая, а самая ста-
рая — та самая, которая влекла ме-
ня на первыхъ порахъ моей жизни....
Только та и была разница, что тог-
да все это было принято безсозна-
тельно, а теперь — сознательно. "Я
нарочно подробно остановился здѣсь
на описаніи второго кризиса Тол-
стого, подобно тому какъ раньше
столь же подробно остановился на
первомъ кризисѣ. И теперь я снова спраши-
ваю, чѣмъ они отличаются другъ
отъ друга? И смѣло, положа руку
на сердце, отвѣчаю: до сихъ поръ ни-
чѣмъ. Даже опредѣленіе, вѣрнѣе
чувство Бога сдѣлано въ тѣхъ же
словахъ: Богъ есть жизнь, Пьеръ гово-
рилъ то-же самое. Но теперь Толстой
не признаетъ Пьера, какъ не призна-
етъ свой же „Войны и Мира" и свои-
же „Анны Карениной", ему нужно было
напасть на самого себя, какимъ онъ
былъ во всю свою сознательную и
дѣятельную жизнь. Плутархъ, описы-
вая Цезаря во вводъ конецъ его жизни
говоритъ, что Цезарь словно завидо-
валъ своей прежней славы и котѣлъ
новыми подвигами затмить ста-
рые. Новый Богъ Толстого тоже не
выноситъ его старого Бога, какъ новая
дѣятельность его не выноситъ старой.
Жажда разрушенія переходитъ
въ жажду саморазрушенія. Или, мо-
жетъ быть, наоборотъ? Можетъ
быть началомъ всему была жажда
саморазрушенія? По моему мнѣнію,
это вѣроятнѣй всего. Недаромъ гово-
рилъ Достоевскій, что въ человѣкѣ

И еще: Исп. 90. „Вѣра есть знаніе смысла жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни"

въ жажду разрушенія всего міра.

инстинктъ разрушенія по крайней мѣрѣ
такъ-же силенъ, какъ и инстинктъ
созиданія. Достоевскій много, очень много знаетъ
въ этихъ дѣлахъ. Но, и спокойный, ясный
Пушкинъ имѣлъ такого же рода
предчувствія: все, все, что гибелью грозитъ,
для сердца смертнаго таитъ
неизъяснимыя наслажденья. Вы не можете
не замѣтить во всемъ, что говоритъ
и дѣлаетъ Толстой радости
разрушенія. {Страшно, безумно} И
это не только потому, что обыкновенно
человѣкъ пишетъ и разсказываетъ
о происшедшихъ въ немъ душевныхъ
бурахъ и опустошеніяхъ лишь послѣ
того, когда они пришли съ концу и
онъ уже находится внѣ опасности.
Такой моментъ тоже наблюдается
въ жизни и творчествѣ Толстого — ~~о немъ у насъ еще будетъ рѣчь впереди~~
почувствуется, что опасность сама
по себѣ влечетъ его — хотя онъ ея безумно боится. Такъ птица съ крикомъ
и ужасомъ бросается въ пасть змѣи —
какая таинственная сила заставляетъ ее идти на вѣрную и страшную гибель?

Міръ погибъ, все погибло, я самъ погибъ,
нѣтъ Бога, некому молиться, некого просить — изъ этого рождается новый міръ,
вѣра въ себя, въ Бога, молитвы и упованія. Въ оба кризиса Толстой испыталъ одно и тоже. И вотъ, послѣ втораго
кризиса, какъ и послѣ перваго Толстой
начинаетъ осуществлять свою вѣру
въ жизни, въ дѣлахъ, какъ онъ говоритъ.
Частной его жизни, хотя объ ней много
писали и пишутъ, мы не знаемъ, да частная
жизнь хотя бы и великаго человѣка не под-

лежитъ ~~наш~~ обсужденію при его жизни. пока онъ еще съ нами.

Но литературная дѣятельность Толстого даетъ намъ достаточно матеріала для выясненія того, что можетъ быть выяснено человѣческими силами. Вслѣдъ за первымъ кризисомъ Т. далъ намъ „Ц и М" и А.К., за вторымъ — цѣлый рядъ религіозно фил. трактатовъ и не мало художеств. произведеній, признанныхъ всѣмъ міромъ перлами литературы. Первыми произведеніями были „въ чемъ моя вѣра" и „исповѣдь", какъ предисловіе къ критикѣ догматическаго богословія. Въ „Исповѣди", кромѣ описанія произошедшаго съ Т. переворота — есть еще указанія на ~~тѣ~~ причины, въ силу которыхъ онъ не могъ принять христіанства ни въ одной ~~изъ тѣхъ~~ ~~историч~~ существ. истор. формъ, иными словами причины его разрыва съ церковью. Это представляетъ тоже немалый интересъ, для нѣкоторыхъ даже очень серіозный, ~~и~~ большой ~~Пожалуй~~ даже исключит. интересъ, но насъ это, въ виду той цѣли, которую мы преслѣдуемъ, совершенно не занимаетъ. {Догматическіе вопросы, такъ же какъ и вопросы церковнаго устройства намъ представляются} ~~Если~~ Толстой напалъ на церковь съ той же яростью, съ какой въ свое время онъ напалъ на Наполеона, — но мы уже знаемъ, что это значитъ: Левъ заболѣлъ и сталъ по своему способу лѣчиться. Критика догматическаго богословія, страшно обидная и оскорбительная для истинныхъ чадъ церкви, поражаетъ часто своей совершенной ненужностью. Мы уже приводили, мимоходомъ, образецъ отношенія Толстого къ догмѣ спасенія вѣрой. Какъ догма она, конечно, не выдерживаетъ натиска раціонализма и въ томъ ея толкованіи, которое

ей дастся ходячими катехизисами до такой степени слаба, что на нее не стоитъ даже нападать съ такой силой. Выходитъ, что Т. изъ пушекъ по воробьямъ. Тоже можно сказать и по поводу очень и очень многихъ страницъ „критики догматическаго богословія". Когда Вольтеръ чутьлинс двѣсти лѣтъ тому назадъ высмѣивалъ церковную догматику, это имѣло свой смыслъ, ибо для очень многихъ было новостью. Въ наше же время повторять Вольтеровскіе опыты совершенно безцѣльно и нужно прямо удивляться, какъ у Толстого хватило терпѣнія и охоты такъ подробно и обстоятельно разбирать двухтомное сочиненіе Митрополита Московскаго Макарія. Достаточно было сказать два слова о томъ, каковы условія, поставляемыя Толстымъ, для признанія того или иного положенія истиннымъ, и всякому стало очевиднымъ, что ни одно изъ положеній „православнаго догматическаго богословія" Т., тогда и всѣмъ, признающимъ обще-логическія требованія Т-го принять быть не можетъ. И не было необходимости отдѣльно разбивать догматъ о троицѣ, порознь высмѣивать всѣ церковныя таинства и т. д. Еще имѣло смыслъ борьба Т-ого съ церковью по вопросамъ этическимъ и по вопросу объ истолкованіи этическаго ученія Христа о томъ, можно ли христіанину идти на войну, казнить людей, приносить клятву, разводиться съ женой и т. д. Все эти вопросы въ самомъ дѣлѣ спорные и, главное, допускающіе обсужденіе.

Вопросы же догматическіе, какъ самъ т-й не разъ говоритъ, принимаются на вѣру либо людьми совершенно несвѣдущими и невѣжественными, либо такими, которые изъ корыстныхъ побужденій проповѣдуютъ догматы, ~~над~~ которыхъ сами не признаютъ. Въ обоихъ случаяхъ споръ излишенъ и неумѣстенъ. Tertium же, по словамъ Толстого, non datur. Именно по этому-то критика догм. богословія совершенно неинтересна. Но, тѣмъ болѣе интересно и важно для насъ ~~то~~ „новое" толкованіе Евангелія, которое даетъ намъ Толстой. Оно находится въ связи съ его новой религіей или, ~~вѣрнѣе~~ точнѣе, всего свою новую религія Толстой пытается построить, по его словамъ, на Евангеліи и только на Евангеліи.

Особенно интересно

Но Толстой утверждаетъ, что онъ отнюдь не толкуетъ Евангелія. Книга „въ чемъ моя вѣра" съ того и начинается: „Я не толковать хочу ученіе Христа, а только одного хотѣлъ бы: запретить толковать его". Но, что ~~значатъ~~ означаютъ эти слова? Толстой говоритъ „толковать ученіе Христа". Значитъ это „толковать Евангеліе"? Если нѣтъ, то откуда-же знать ученіе Христа? Кромѣ Евангелія источниковъ нѣтъ. Т.е. Церковь признаетъ еще преданіе, но Толстой, конечно, не изъ преданія, которое онъ высмѣиваетъ, узналъ объ ученіи Христа. Значитъ не толковать ученіе Христа все равно, что не толковать Евангелія. Толстой, однако, на

Исп. 81 стр.

Этого бы ни за что не признал

это ни за что не согласится ни теперь, когда онъ въ религіи видитъ уже синтезъ всѣхъ существовавшихъ религій, ни тогда, когда онъ единственную истинную религію видѣлъ въ ученіи Христа. Черезъ страницу послѣ того, какъ онъ торжественно объявилъ, что не хочетъ толковать ученія Христа и мечтаетъ только о томъ, чтобъ совершенно запретить всякія толкованія, онъ приступаетъ къ толкованію Евангелія, ~~которо~~ и этимъ толкованіемъ занимается на пространствѣ всей книги „Въ чемъ моя вѣра".[1] Да оно иначе не могло быть у Толстого: „я готовъ былъ принять теперь всякую вѣру, только бы она не требовала прямого отрицанія разума, которое было бы ложью." Разъ условіемъ вѣры является „разумъ" — несомнѣнно ни одно ученіе не можетъ быть принято безъ критики; такъ же несомнѣнно, какъ мы увидимъ сейчасъ, что ученіе Христа даже въ той части и въ томъ пониманіи, въ какомъ оно допускается Толстымъ, никоимъ образомъ разумомъ принято быть не можетъ. И Толстой это, когда хочетъ знаетъ: „...я бы сказалъ неправду, если бы сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему я пришелъ... Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни". А тутъ еще возникаетъ вопросъ: точно ли разумъ всегда исполняетъ свои функціи объективнаго исканія, даже тогда, когда он торжественно провозглашаетъ своей единственной цѣлью истину. Самъ Толстой на этотъ счетъ сообщаетъ намъ чрезвычайно любопытныя

И-95

И.80-81

~~1) Я уже не говорю о „соединеніи, переводѣ и изслѣдованіи 4-хъ Евангелій", въ которомъ Толстой пускается въ самые ~~[illegible]~~ [illegible] вопросъ [illegible] и даже подымаетъ споръ о значеніи [illegible]~~

вещи: „Истина всегда была истина, какъ дважды два есть четыре, но я не признавалъ ее, потому что признавъ дважды два-четыре, я уже долженъ былъ признать то, что я нехорошъ. Очувствовать себя хорошимъ для меня было важнѣе, и обязательнѣе, чѣмъ дважды два есть четыре." Это ретроспективное признаніе — ~~удивительно~~ поразительно, что всѣ такого рода признанія у Толстого ретроспективны, т.е. даются тогда, когда они уже къ настоящему не относятся и имѣютъ силу лишь по отношенію къ прошлому — невольно наводятъ насъ на мысль: какъ же довѣряться разуму, да же Толстовскому или, если угодно именно Толстовскому разуму, ~~если~~ разъ онъ склоненъ къ такимъ компромиссамъ? Правда Толстой говоритъ, что это у него было только прежде, до 50 лѣтъ, а теперь этого нѣтъ. Но, вѣдь прежде онъ въ себѣ не замѣчалъ такой особенности. А что, если и она и теперь сохранилась что, если и теперь быть хорошимъ важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ дважды два четыре?! Можно такому разуму ввѣрять ~~судьбу~~ важнѣйшихъ человѣческихъ ~~[illegible]~~ дѣло? Тѣмъ болѣе, что какъ мы только что видѣли, ~~не онъ~~ пособственному призн. Т, не разумъ спасалъ его отъ отчаянія въ самыя ужасныя минуты. Работала въ немъ какая то чудесная, таинственная сила, которую онъ почему то (я говорю пока почему-то, а не самаго дѣлѣ не почему-то, а потому, что тотъ требовалъ разумъ) называетъ ничего не говорящими словами „сила жизни". Но, такъ или иначе, Толстой присту-

пасть къ толкованіи и критикѣ Евангелія, къ исканію религіи (не Бога а религіи — не слѣдуетъ смѣшивать эти два ~~вещ~~ понятія) подъ верховнымъ руководствомъ разума. Посмотримъ, что изъ этого вышло.

VII

vol VI p 130

Какъ всегда у Толстого, выдержки и послѣдовательности къ статью пѣть — и это дѣлаетъ его философски-богословскія изслѣдованія столь значительными и важными. Даже критика догматическаго богословія — въ концѣ концовъ книга замѣчательная, ибо помимо вольтеровскаго, общечеловѣческаго въ ней много истинно толстовскаго, т.е. презирающаго разумъ. Это-то чувство или этотъ инстинктъ и подсказалъ Толстому, что если Евангеліе есть дѣйствительно слово Божіе, то сущность его нужно искать въ наиболѣе непонятныхъ и загадочныхъ словахъ Христа т.е. именно въ тѣхъ, съ которыми разумъ никакъ сладить не можетъ, которые разумъ отрицаетъ всѣмъ своимъ существомъ. „Въ чемъ моя вѣра" и начинаетъ поэтому съ нагорной проповѣди. И Толстой принимаетъ ее, — вопреки существующимъ истолкованіямъ ея — истолкованіямъ, стремящимся присобить ихъ къ условіямъ нашей обыденной жизни и къ привычкамъ разума — цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и дополненій въ буквальномъ смыслѣ ея и въ самомъ дѣлѣ ясныхъ и недопускающихъ различнаго пониманія словъ. Что никто, до него, не понималъ такъ нагорной проповѣди, что истори-

ческое христіанство понимало ее
такимъ образомъ, какъ будто бы было
написано прямо противуположное ти-
му, что мы всегда читали въ нем — до
этого Толстому дѣла нѣтъ. Если до
сихъ поръ истинный міръ былъ для всѣхъ зак-
рытъ — развѣ изъ этого слѣдуетъ, что
онъ и на будущее время долженъ
оставаться закрытымъ. „Долго я не
могъ привыкнуть къ той странной мысли, что
послѣ 1800 лѣтъ исповѣданія Христова закона
милліардами людей, послѣ тысячъ
людей, посвятившихъ свою жизнь
изученію этого закона, теперь мнѣ приш-
лось, какъ что-то новое, открывать
законъ Христо.. Но, какъ это ни стран-
но, это было такъ..." ... „Я остался
опять одинъ съ своимъ сердцемъ и
таинственною книгой предъ собою".
И вотъ сердце Толстого выбираетъ
изъ таинственной книги самыя
таинственныя и загадочныя слова:
„вы слышали, что сказано древнимъ:
око за око зубъ за зубъ. А я вамъ го-
ворю — не противься злому". Несомнѣнно,
что трудно придумать другія слова,
которыя бы находились въ болѣе яв-
номъ противорѣчіи съ нашимъ разумомъ и
повседневнымъ опытомъ каждаго че-
ловѣка. {Оттого, вѣроятно, эти слова}
Я знаю, что были люди, которыя вѣрили
въ эти слова, но я не знаю людей, которые
бы ихъ понимали. Это какъ болѣе типич-
ный и характерный случай, когда вполнѣ
примѣнимо credo, quia absurdum. Вся
очевидность, весь опытъ современнаго и
историческаго человѣчества возстаетъ
противъ принципа непротивленія злу и полную практическую
непримѣнимость его одинаково хорошо
и убѣдительно умѣетъ доказать и
15 лѣтній школьникъ и Іоаннъ Зла-

Vol VI p132

27, 18

тоуетъ. И съ тѣхъ поръ, какъ европейское человѣчество (міръ) оффиціально признало Евангеліе божественной книгой, некоторыми и Іоанны Златоусты непрерывно и превосходно опровергали эту заповѣдь — ссылаясь, однако, не столько на откровеніе, сколько на свой человѣческій разумъ. Какъ извѣстно, каждый разъ, когда человѣку трудно выносить истину откровенія, онъ ей ~~ограничиваетъ~~ противупоставляетъ ей разумъ, хотя очень охотно пренебрегаетъ разумомъ, если божественная мудрость ни къ чему не обязываетъ. Но, Толстой предпринялъ задачу по истинѣ неслыханную. Держась послѣдовательно (Толстой бываетъ и послѣдовательнымъ) возвѣщенной имъ невозможности отрицанія разума, онъ вступаетъ въ полемику съ Іоанномъ Златоустомъ и всѣми церковными богословами, доказывая, что именно разумъ оправдываетъ слова Христа о непротивленіи злу. И здѣсь послѣдовательность Толстого не случайна: онъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ отрицать разумъ. Но онъ не можетъ ~~не признать~~ отказаться и отъ этихъ словъ Христа, т.е. отъ нагорной проповѣди. Еще съ дѣтства, разсказываетъ онъ, съ тѣхъ поръ, когда я сталъ для себя читать Евангеліе, во всемъ Евангеліи меня трогало и умиляло больше всего то, ученіе Христа, въ которомъ проповѣдуется любовь, смиреніе, униженіе, самоотверженіе и возмездіе добромъ за зло. Тыкова и оставалась для меня сущность христіанства, то, что я серцемъ любилъ въ немъ, то, во имя чего я послѣ отчаянія призналъ истиннымъ тотъ смыслъ, который придаетъ жизни христіанскій трудовой народъ[4]. Сердцемъ, дѣйствительно, можно признать эту часть ученія Евангеліе, можно даже радоваться съ таинственной и загадочной непостижимости, но какъ заставить разумъ санкціонировать это рѣшеніе сердца? И, потомъ,

В. ч. м. в. 7

что собственно должна дать въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію Толстого санкція разума? Зачѣмъ она? ~~Нельзя ли~~ обойтись безъ нея? Повторяю и подчеркиваю: я считаю толстовское толкованіе нагорной проповѣди безусловно вѣрнымъ. Даже больше, я считаю, что по поводу нагорной проповѣди (но отнюдь не по поводу всего Евангелія) Толстой почти выдержалъ поставленную себѣ задачу: брать слова Христа такими, какими они дошли до насъ, не разрѣшая себѣ произвольно ни расширять, ни съуживать ихъ значеніе. ~~Во всяко~~ Онъ правъ, когда, полемизируя съ установившимися ограничительными и расширительными толкованіями, каждый разъ повторяетъ, что Христосъ говоритъ то, что Онъ говоритъ и, что если бы Онъ хотѣлъ говорить то, что говорятъ представители разныхъ церквей, то умѣлъ бы сказать ихъ словами. Но, когда онъ, ~~при~~ вслѣдъ за тѣмъ пытается доказать, что онъ „понимаетъ" слова Христа, иначе говоря, что исполненіе завѣтовъ Христа привело бы не только всѣхъ людей, если бы они согласились принять ихъ, но даже часть людей и каждого отдѣльнаго человѣка къ счастью, къ земному счастью (такой смыслъ имѣетъ ~~понимаетъ~~ Толстой „санкція разума"), — тогда поневолѣ задумаешься. Зачѣмъ такъ очевидно ~~несомнѣнно~~ для всѣхъ насиловать истину? И, почему человѣкъ столь огромнаго ума не хочетъ видѣть и знать того, что знаетъ не только Іоаннъ Златоустъ или полемизировавшій съ Толстымъ И. Соловьевъ, но что знаетъ каждый школьникъ. Между тѣмъ Толстой не знаетъ, не хочетъ знать. Онъ высмѣиваетъ, очень удачно, оффиціальныхъ представителей христіанства въ своемъ разсказѣ о молодомъ гренадерѣ, прогонявшемъ нищаго, который на вопросъ Толстого о томъ, читалъ ли онъ Евангеліе, побѣдоносно отвѣтилъ: а ты воинскій Уставъ

Неменѣе удачны ~~его иллюстр~~ глубиннѣе онъ выдержанъ
читалъ. ~~Онъ вообще, повторяю прав~~

изъ катехизиса, въ которо необходимость
согласовать Евангеліе съ требованіями
государства, всегда ведутъ, если не къ от-
крытому, какъ у молодого гренадера, то
къ тайному подчиненію Евангелія воин-
скому Уставу. Но, все это, вѣдь въ концѣ
концовъ имѣетъ второстепенное зна-
ченіе. Ну, люди, называющіеся приста-
нами и сказали изъ корыстныхъ, шкур-
ныхъ соображеній по ученіе — кто этого
не знаетъ? Главный вопросъ въ томъ,
выдерживаетъ ли ~~оно~~ это ученіе разумную критику
и, если не выдерживаетъ — то, чѣмъ по-
жертвовать: ученіемъ или разумомъ. Вотъ
тотъ страшный и мучительный вопросъ,
который не разъ уже становился предъ
людьми. Бывали смѣльчаки, которые
рѣшали непоколебимо вопросъ въ пользу
ученія, не останавливаясь даже предъ
необходимостью заявить: credo, quia ab-
surdum. Но, Толстой ~~пре~~ не могъ при-
нять такой альтернативы. Онъ въ этомъ
отношеніи остался вѣрнымъ сыномъ своего
времени, такъ упорно (я говорю о послѣд-
немъ 50 лѣтіи) стремящимся примирить
вѣру съ разумомъ. Это странно, но это
такъ. Толстой, который кажется до
такой степени энергично протестуетъ
противъ всего современнаго — въ наиболѣе
существенномъ и важномъ пунктѣ раздѣ-
ляетъ наиболѣе распространенный и
повидимому, наиболѣе ложный и мучи-
тельный предразсудокъ нашей эпохи.
Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произве-
деній (1902 г.) онъ прямо такъ и опредѣляетъ ре-
лигію: „религія есть установленное,
согласное съ разумомъ и современными
знаніями отношеніе человѣка къ вѣчной
жизни къ Богу". Читаешь и не вѣришь себѣ,
что Толстой могъ это написать, Толстой
всю жизнь свою воевавшій съ современной

Что такое р-ія и в чемъ сущность, 104.

наукой и выслѣживавшей ее! Да и въ самомъ дѣлѣ, какая цѣна можетъ быть религіи, если она опредѣляется современными знаніями т.е. современнымъ суевѣріемъ? предразсудками. Самъ Толстой говоритъ со свойственной ему широтой и проникновенностью взгляда, что черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ наши знанія будущимъ ученымъ покажутся такими же смѣшными и ошибочными, какими намъ кажется ученость средневѣковья. И имъ давать рѣшающее слово въ вопросахъ о Бытіи! И потомъ, о какихъ знаніяхъ говоритъ Толстой? О рентгеновскихъ лучахъ, о микробахъ чахотки или холеры, о свойствахъ радія? Очевидно нѣтъ — все это прямого отношенія къ религіи не имѣетъ. Очевидно, тутъ дѣло идетъ объ основныхъ принципахъ, о предпосылкахъ современной науки — объ естественномъ развитіи, о законѣ причинности и т.д. Съ этими-то принципами мы, современные люди, обязаны считаться, когда ищемъ вѣры и Бога. Безъ Спенсера, Дарвина, Милля, и безъ Канта, какъ моряки безъ компаса, мы не можемъ пускаться въ путь?! Толстого рекомендуетъ для чтенія предисловіе къ статьѣ Карпентера „Современная наука", и даже написалъ къ ней предисловіе. Карпентеръ собственно, не представляетъ совершенно самобытныхъ возраженій противъ основательности научныхъ теорій и противъ теорій вообще. И, затѣмъ, современные ученые и философы бывали гораздо строже и безпощаднѣе, чѣмъ Карпентеръ. Посмотрите, во что выро-

Ц.ч. м. в. 115. „Я убѣжденъ, что черезъ нѣсколько вѣковъ

даже суевѣрія дикаго

29, 30

дился трансцендентальный идеализмъ подъ руками современныхъ гносологовъ марбургской школы или виндельбандо-риккертовскаго направленія или какимъ сталъ позитивизмъ Милля, въ прагматизмѣ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей котораго, Джемсъ посвящаетъ свой трудъ Миллю, какъ родоначальнику. Ни прагматизмъ, ни идеализмъ не признаетъ даже возможности знанія. То, что оба эти столь враждующія между собой теченія признаютъ знаніемъ, это есть лишь система о рѣчи — т.е. нѣкоторая воображаемая вѣшалка, на которой размѣщаются безпорядочныя впечатлѣнія индивидуумовъ. Споръ между прагматистами и идеалистами идетъ только о природѣ вѣшалки. Первые утверждаютъ, что вѣшалка, какъ и все въ мірѣ существуетъ и сдѣлана самимъ человѣкомъ для пользы, ибо все только для пользы и дѣлается вторые же не отрицая, что вѣшалка дѣйствительно есть вѣшалка, т.е. суррогатъ знанія, а не знаніе, настаиваютъ на томъ, что она хотя сдѣлана для нѣкоторой цѣли, но отнюдь не для низко утилитарной, а для возвышенной идеалистической. Но всѣ теоріи познанія т.е. всѣ теоріи, ставящія и разрѣшающія вопросъ о сущности нашего знанія, единогласно утверждаютъ, что никакого у насъ знанія нѣтъ и быть не можетъ. Такой глубины скептицизма и такого недовѣрія къ знанію, какое существуетъ теперь, не испытала кажется ни одна эпоха. Прикладныя науки процвѣтаютъ и развиваются — въ области же философской, т.е. въ области общихъ принциповъ, вы не найдете ни одной, объединяющей всѣхъ изслѣдователей идеи. По признанію

одного изъ авторитетныхъ современныхъ нѣмецкихъ гносологовъ (Никкерт'а) — въ области логики сейчасъ происходитъ bellum omnium contra omnes. И тѣ что разсказываетъ Карпентеръ о томъ, что современная наука представляетъ собой ~~собраніе~~ случайный и безпорядочный наборъ клочковъ и обрывковъ приблизительныхъ знаній — нисколько не находится въ противорѣчіи съ ученіями гносологовъ. Но, Толстой, давшій предисловіе къ переводу К-а, и какъ будто бы радующійся тому, что К. такъ остроумно разбиваетъ господствующее среди „образованной толпы" мнѣніе о великихъ завоеваніяхъ науки, этотъ же Толстой самъ настолько вѣритъ въ науку и именно въ современную науку, что даетъ ей право неограниченнаго контроля надъ всякого рода попытками исканія. И онъ, какъ Контъ, въ концѣ концовъ думаетъ, что теологическій и метафизическій періоды мышленія уже миновали и наступилъ періодъ положительный. А вѣдь, какъ остроумно и вѣрно онъ самъ осмѣивалъ этотъ мнимый контовскій законъ!

хорошаго, вѣрнаго мышленія

VIII

Вѣра въ естественное развитіе и позитивный періодъ Конта есть смертный грѣхъ нашей современности — вотъ то самое, о чемъ говорилъ Лютеръ въ приведенномъ выше отрывкѣ — что стоитъ и будетъ стоять всегда на пути человѣческаго мастенія. Позволю себѣ обобщить еще положеніе. Не только наше время, — всякое время считало уровень своего знанія очень высокимъ и стремилось

ВК стр 138 гл VIII

своими знаніями, т.е. своей ограниченностью опредѣлить свое отношеніе къ безконечному. Толстой далъ правильную формулировку того, что принято называть религіей ~~и~~ но то, что онъ называетъ религіей и есть именно глубочайшее невѣріе. Я, конечно, менѣе всего склонелъ брать на себя защиту, какихъ бы то ни былъ религіозныхъ или философскихъ догмъ, тѣхъ-ли которые разрываетъ свой критикой Толстой или тѣхъ, которые даже, какъ у Лютера, его ученіе оспасеніе вѣрой возникаютъ изъ непосредственнаго, переживаго опыта, и потому запечатлѣны свѣжестью и глубиной видѣннаго, слышаннаго, испытаннаго. Монашеская ~~одежда~~ власяница, шлемъ, забрало и латы средневѣковыя красивѣе и ~~поучительнѣе~~ поэтичнѣе современной шелковой рясы или чернаго ~~сюртука~~ пиджака — но всѣ эти красивые и некрасивые наряды — есть все же только внѣшность и форма и, хотя отчасти открываютъ кроющееся подъ ними ~~живую~~ жизнь, исканія и борьбу, но еще больше закрываютъ ее. Догмы-~~ее~~, оторванные отъ внутреннихъ переживаній увядаютъ и высыхаютъ точно такъ какъ и листья, оторвавшіеся отъ деревы и потому, конечно, въ глазахъ нашихъ не могутъ имѣть никакой цѣнности. Но отрицать догмы отнюдь не значитъ оставаться равнодушнымъ къ величайшимъ человѣческимъ бореніямъ и исканіямъ. Скорѣй наоборотъ, ~~тотъ~~ только интересуется догмами, кому нѣтъ дѣла, кто равнодушенъ ~~къ~~ человѣче-

кому и божескому творчеству. Ему хочется знать, твердо знать, что гдѣ то кѣмъ то уже все сдѣлано и что потому можно спокойно сложить руки и мирно трепать. И вотъ, когда Толстой весь охваченный ~~радостнымъ~~ трепетомъ радости и ужаса идетъ къ своей таинственной книгѣ и вопреки тысячелѣтнимъ традиціямъ и сложившимся „догмамъ" находитъ въ ней слова, опрокидывающія весь строй нашей внутренней и внѣшней жизни — мы поражаемся его силой и величіемъ. Мы начинаемъ думать, что и въ самомъ дѣлѣ на него сошла благодать, что онъ сподобился почувствовать Бога, его восторгъ сообщается намъ и мы съ затаеннымъ дыханіемъ ждемъ. Но, увы — человѣкъ, даже величайшій человѣкъ остается человѣкомъ, какъ и величайшіе земныя вершины Кавказа и Гималаевъ сравнительно съ всѣмъ земнымъ шаромъ оказываются только песчинками на апельсинахъ, какъ намъ разсказываютъ въ учебникахъ географіи. Надоело вынести видъ Бога, соединиться съ безконечнымъ — нельзя, не дано смертному. Даже то волненіе, которое вызываетъ ~~въ насъ~~ близость смерти у человѣка, взглянувшаго ей, какъ Толстой прямо въ глаза, не можетъ дать силы, нужныхъ для того, чтобы надоело оторваться отъ земли. На мгновеніе человѣкъ взлетитъ на высоту и вотъ онъ уже снова на своемъ прежнемъ мѣстѣ и, либо

какъ кузнечикъ [illegible]

31, 37

твердитъ увядшіеся и засохшіеся слова давно умершихъ догмъ, ~~либ~~ какъ это дѣлаютъ противники Толстого, либо повторяетъ подсказываемыя ему „рабумомъ" ~~давно опостылѣвшія и набившія всѣмъ оскомину~~ „твердыя" правила и „вѣчныя истины.

Толстой именно такъ дѣлаетъ съ Евангеліемъ. Онъ ищетъ въ немъ правилъ жизни. Не противься злому, не клянись, не прелюбодѣйствуй, не покидай женщину, которая была однажды твой женой и т. д. Все дѣло, по его мнѣнію въ томъ, чтобъ извлечь изъ Евангелія указанія о томъ, какъ поступать въ жизни, чтобъ жизнь стала не кромѣшнымъ адомъ, какъ теперь, а свѣтлымъ, яснымъ, радостнымъ раемъ. Онъ, цитатами изъ Евангелія старается доказать, что Христосъ именно затѣмъ пришелъ на землю, чтобы научить людей, какъ хорошо жить. „Христосъ учитъ не спасенію вѣрой или аскетизмомъ т. е. обману воображенія или самовольнымъ ученіямъ въ этой жизни; но онъ учитъ жизни такой, при которой, кромѣ спасенія отъ погибели личной жизни еще и здѣсь, въ этомъ мірѣ, меньше страданій и больше радостей, чѣмъ при жизни личной". И еще: „ученіе Христа имѣетъ и самый простой, ясный, практическій смыслъ для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Этотъ смыслъ можно выразить такъ: Христосъ учитъ людей не дѣлать глупостей. Въ этомъ состоитъ самый простой, всѣмъ доступный

И. ч. ст. 4. 164

смыслъ ученія Христа". Объ эти цитаты взять мной изъ X-й главы И. Ц. Но въ VIII главѣ также указывается еще на одинъ смыслъ ученія Христа: „въ признаніи этой своей мірской личной жизни за что-то дѣйствительное, мнѣ принадлежащее и лежитъ недоразумѣніе, препятствующее пониманію ученія Христа." И. Ц. 172

„... Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь лично для себя въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одна смерть. И эта смерть разрушаетъ все, для чего вы трудились. Столь быть жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла." Жизнь для себя не можетъ имѣть смысла — это усмотрѣлъ Толстой въ Евангеліи. Но, тогда какой же смыслъ искать радостей, хотя бы и не тѣхъ радостей, которыя цѣнятъ обыкновенные люди, а болѣе высокихъ и чистыхъ? Вѣдь, что бы тамъ не говорили, а радость — есть чисто индивидуальное, личное чувство, и, если нужно отрѣчься отъ себя, отъ своей индивидуальности, то вдѣ-же уже тутъ о радостяхъ думать! Но, Толстой радости не уступитъ, какъ и не уступитъ разума, ибо это было бы, выражаясь его словами, ложью. И, въ самомъ дѣлѣ это было-бы ложью — для Толстого. Послѣ второго кризиса, какъ и послѣ перваго Толстой заговорилъ о самоотреченіи, о жертвѣ, объ опростѣніи. Пьеръ вѣдь тоже, какъ и Толстой въ своей исповѣди выучился своей новой истинѣ у Платона Каратаева, воплотившаго въ своемъ лицѣ страдающій и смиренный народъ. Пьеръ тоже испыталъ 125

~~испытал~~ потребность втреченія и жертвы. Кончилъ же компромиссомъ: онъ умилялся и дивился русскому народу, онъ старался внутренно совершенствоваться, онъ во многомъ и въ самомъ дѣлѣ усовершенствовался — но не отказался отъ сладости жизни и продолжалъ, по указаніямъ и совѣтамъ разума, посильно устраивать свою жизнь. „Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ ~~хрѣстно~~ словно"..... Можетъ быть, меня упрекнутъ въ рѣзкости — но я не могу не сказать, Долженъ признаться что эти слова Пьера я слышу и въ религіозно-богословскихъ произведеніяхъ, написанныхъ Толстымъ послѣ второго кризиса. А между тѣмъ онъ самъ ~~онъ~~ упрекаетъ представителей современнаго духовенства въ невѣріи на томъ основаніи, что у нихъ нѣтъ силы, нужной для вѣры. И вотъ въ какихъ замѣчательныхъ по глубинѣ пониманія словахъ: „Они (дух.) могутъ молиться Христу-Богу, причащаться, дѣлать дѣла человѣколюбія, строить церкви, обращать другихъ; они все это и дѣлаютъ, но не могутъ дѣлать дѣлъ Христа потому что дѣла эти вытекаютъ изъ вѣры, основанной на совсѣмъ иномъ ученіи, нежели то, которое они признаютъ. Они не могутъ принести въ жертву единственнаго сына, какъ это сдѣлалъ Авраамъ, между тѣмъ какъ Авраамъ не могъ даже задуматься надъ тѣмъ, принести или не принести своего сына въ жертву Богу, тому Богу, который одинъ давалъ смыслъ и благо его жизни". Это — страшный вызовъ, брошенный Толстымъ современнымъ вѣрующимъ людямъ. Кто теперь осмѣлится принять его? Кто принесетъ своего первенца въ жертву! Вспомните вопросъ Достоевскаго о замучен-

157 И 44

номъ ребенкѣ. Когда этотъ вопросъ
на старости пришелъ въ голову (въ иной
формѣ) Миллю, онъ сказалъ, что ~~ни~~-
скорѣй онъ согласится допустить,
что Богъ не совсѣмъ всемогущъ, чѣмъ
что съ Его воли и согласія происхо-
дятъ подобные ужасы. Джемсъ те-
перь повторяетъ тоже. И прямо надо
сказать: разумъ нашъ никогда не
оправдаетъ жертвы Авраама и ни-
когда не согласится зарѣзать пер-
венца — хотя бы и по требованію са-
мого Бога. Онъ скорѣй отвергнетъ Бога,
чѣмъ исполнитъ такое его требо-
ваніе. Если же найдется человѣкъ,
который въ самомъ дѣлѣ отдаетъ
свое любимое дѣтище на заклa-
ніе, болѣе того — самъ занесетъ надъ
нимъ руку, то сомнѣнія уже боль-
ше не можетъ быть: онъ отвергъ
разумъ и дѣйствовалъ въ порывѣ
безумія. Таковы были всѣ пророки.
Посмотрите на ихъ жизнь, пос-
лушайте ихъ. Іезекіелю Богъ ве-
лѣлъ ѣсть человѣческія ~~испраж~~ отбросы
-нія — и онъ послушался. Если бы
современный психіатръ увидалъ
~~человѣка~~ Іезекіеля, исполняющаго волю
Бога, онъ бы не на секунду не поду-
малъ, что — предъ нимъ пророкъ и
безъ колебанія надѣлъ бы на него
смирительную рубашку. Вѣра съ ра-
зумомъ никогда не примирятся.
Никогда не примирится и счастіе
съ жертвой Авраама: тотъ, кто
однажды убилъ своего сына, можетъ
быть будетъ великимъ геніемъ, пра-
рокомъ, благодѣтелемъ человѣ-
чества — но счастливымъ, разумнымъ
и спокойнымъ человѣкомъ онъ уже

говорить рѣзче: такого Бога отдаю
Иринчину

~~Таковымъ~~
Тоже сказали бы и говорили и врачи, интересовав-
шіеся душевными состояніями Толстого не послѣ
кризисовъ, а во время кризисовъ — т.е. не тогда, когда
Толстой при помощи разума справлялся съ сомнѣ-
ніями, а когда сомнѣнія побѣждали разумъ. Въ этій
именно въ эти періоды — какъ въ молодые такъ и въ
старые годы — Толстой особенно напоминаетъ намъ
истиннаго пророка

33, 34

не будетъ никогда. И, наоборотъ, та непримиримая вражда со счастьемъ и разумомъ, которую иные люди отдаютъ всю свою жизнь, имѣютъ большей частью свое начало въ великой, исчеловѣческой жертвѣ. Можетъ быть, нужно, какъ Лютеръ говоритъ, увѣровать въ то, что для спасенія твоей одинокой, презрѣнной, грѣшной душонки потребовалось совершить преступленіе и преступленіе, распять Сына Божіе, совершеннѣйшее существо, можетъ быть, говорю я, нужно увѣровать въ этотъ абсурдъ для того, чтобы разъ навсегда ~~перестать вѣрить въ~~ порвать отказаться отъ разума съ его истинами и законами и преодолѣть то тѣ кошмаръ нашей духовной бѣдности и ограниченности, который именуется нашими познаніями...

IX

ВК 144 л IX

И вотъ, говорю, въ Толстомъ послѣ втораго кризиса, какъ и послѣ перваго, въ Толстомъ „Войны и Мира", и въ Толстомъ „Исповѣди" и „Крейцеровой Сонаты" замѣчается органическое соединеніе двухъ повидимому совершенно несоединимыхъ душъ. Съ одной стороны въ немъ живетъ пророкъ, готовый послѣдовать примѣру Авраама и даже Іезекіеля, готовый сродниться съ безуміемъ и вызвать на смертный бой здравый смыслъ и всѣ пренебречь радостями жизни. Съ другой стороны — онъ удорожно держится за разумъ ~~и всякую жизнь~~ — и учитъ людей надѣяться, что религія какъ разъ то, что нравится и по вкусу посредственности. Послѣ „Исповѣди" послѣ того, какъ

Г такимъ онъ бываетъ во время кризисовъ — до той поры, пока разумъ, отыскавъ ученіе, удѣлядаетъ его спуститься въ низовья обыденности — „твердаго" знанія, правилъ и „счастья"

онъ увѣровалъ уже въ Бога, муки сомнѣнія и невѣрія еще далеко не покинули его. Я не говорю уже объ „Смерти И. И.“! Можетъ быть въ этомъ разсказѣ Толстой изображаетъ то, что онъ испыталъ раньше, до своего втораго обращенія (но послѣ перваго, что тоже для насъ много значитъ). Ну, а Крейцерова соната? ~~Что бы не говорили~~ — даже для слѣпого ясно, что она порождена какими то переживаніями, возникшими совершенно независимо отъ всѣхъ его религіозныхъ борений и исканій. Именно въ то время, когда Толстой ~~всецѣло~~ радостно отдавался своей высокой учительской миссіи учителя — въ жизни его произошло нѣчто ~~невообразимо~~ несказанно тяжелое, и постыдное ~~отвратительное и унизительное. Словно, кто то~~ Если бы Толстого кто нибудь въ это время ударилъ по щекѣ онъ бы легко, даже съ радостью подставилъ другую. Но тутъ была, очевидно, такая пощечина (и можетъ быть даже нанесенная самимъ собою), такое неожиданное осквернение души — на которое былъ возможенъ для Толстого, какъ для Поздняшева, одинъ отвѣтъ: убійство. Подчеркиваю: для Толстого, вѣрующаго въ Евангеліе и непротивленіе злу не было другого выхода. Объ этомъ говоритъ каждая строчка, каждое слово „Крейцеровой Сонаты“ — имѣющій уши, да слышитъ. Но, Толстой не убилъ и смылъ оскорбленіе, написавъ новое эпіальное произведеніе. Пусть спеціалисты въ дѣлахъ чести разрѣшаютъ вопросъ, можно ли

Трудно даже и въ воображеніи представить себѣ, какому ~~ужасу~~ и медуть пришлось не взглянуть въ глаза.

и должно-ли такимъ путемъ смывать оскорбленія. Мнѣ кажется даже, что если существуетъ загробная жизнь, такой вопросъ будетъ поставленъ по поводу многихъ жніальныхъ произведеній, и не одного ~~Толстого~~ Крейцер. Сонаты — какъ онъ будетъ рѣшенъ не берусь сказать. Но сейчасъ мы минуемъ этотъ вопросъ, который пожалуй въ силу своей всеобъемлемости только и можетъ быть рѣшенъ на страшномъ судѣ, ибо въ нашемъ эмпирическомъ мірѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для его рѣшенія. Я же хочу указать только на то, что Толстой знаетъ, что такое жертва Авраама и ~~каково~~ каково заносить руку надъ тѣмъ, что тебѣ дороже всего въ жизни.

Всѣ его произведенія свидѣтельствуютъ о томъ. И, когда онъ разсказываетъ о своихъ жертвахъ, мы перестаемъ вѣрить его собственнымъ увѣреніямъ о томъ, что, такъ хорошо и такъ ~~пріятно~~ славно жить и что Христосъ можетъ научить еще лучше и еще пріятнѣе жить. Я не знаю другого писателя, который бы такъ умѣлъ подрывать вѣру въ разумъ и возможность счастливаго устроенія на землѣ, какъ Толстой называютъ нѣкоторые Ренана демономъ соблазнителемъ. И, дѣйствительно, онъ своимъ пріятнымъ, вкрадчивымъ, такъ искренно звучащимъ, ласкающимъ слухъ голосомъ, могъ ~~говорить~~ поселять въ душу самыя мучительныя сомнѣнія. Вотъ образецъ такого рода разсужденій: „Une complète obscurité, providentielle peut-être, nous cache les fins morals de l'univers. Sur cette matière, on ~~parle~~ И больше всего несоотвѣтствіемъ даваемыхъ имъ отвѣтовъ на предлагаемые имъ самимъ вопросы. Но даромъ онъ два раза видѣлъ смерть, два раза разрушалъ и два раза вновь созидалъ міръ. Кто научился

У Толстого спрашивать, кто такъ воспри-
нялъ, какъ воспринялъ Толстой капель въ Парижѣ,
смерть своего брата, пытку Ивана Ильи-
ча, обиду ~~оскорбленіе~~ Позднышева — тотъ, мо-
жетъ быть, будетъ протестантомъ или
католикомъ, позитивистомъ или мета-
физикомъ — но, во всякомъ случаѣ, какихъ бы
вѣрованій или ученій онъ ни держался, всѣ
они даже и приблизительно не выразятъ
его отношенія къ міру, Богу и людямъ.
И, вотъ мнѣ кажется, что можетъ
быть ученіе Толстого оттого такъ
ясно, просто и неубѣдительно, что онъ
какъ бы, безсознательно чувствовалъ,
что все равно не претворишь въ ученіе
всего того, что накопилось въ душѣ за
долгіе 80 лѣтъ трудной, сложной и
богатой жизни. Разуму такая зада-
ча не подъ силу: пусть берется за по-
сильныя задачи. Пусть возмущается,
негодуетъ, обличаетъ, вырабатываетъ правила жизни, учитъ людей. Ничего, конечно,
изъ этого не выйдетъ, или выйдетъ очень
мало — но та часть нашего существа,
въ распоряженіи которой находится ра-
зумъ, очень малого и требуетъ. Въ „Д. и.
О" Толстой разсказываетъ, что Карлъ
Ивановъ, узнавши о томъ, что Иртеньевъ
отказываетъ ему отъ мѣста вернулся
въ классную и, во время урока, продикта-
валъ дѣтямъ слѣдующую фразу: Von
allen Leidenschaften die grausamste ist
die Undankbarkeit. И это его удовлетворило.
„Лицо его не было угрюмо какъ прежде;
оно выражало довольство человѣка дос-
тойно отмстившаго за обиду". Часто,
когда я читаю по поводу дѣйствительно
ужасныхъ и возмутительныхъ событій
негодующія ~~страницы~~ толковскихъ статей Толстыхъ — я вспо-
минаю нѣмецкую фразу Карла Ивановича.

Ибо толстовское негодованіе, какъ я уже указывалъ въ началѣ статьи, также мало ~~вы~~ способствуютъ исправленію міра, какъ и фраза Карла Ивановича. Они дослѣютъ себѣ и развѣ только дадутъ довольство человѣку, достойно отметившему за обиду. Разумъ, когда ему выпадаетъ руководящая роль, всегда приводитъ къ такимъ бѣднымъ и обиднымъ результатамъ — и потому то вся задача именно въ томъ, чтобъ отнять у него разъ навсегда ~~эту роль~~ его суверенныя права. Можетъ быть и сама задача покажется несуществимой, противорѣчивой по своему существу. Можетъ быть вообще въ ~~глубинѣ~~ тайникахъ души человѣка живетъ вѣчная боязнь того, что наиболѣе глубокія и священныя запросы наши не могутъ быть удовлетворены. И иногда даже кажется, что и не должны быть удовлетворены. Ренанъ чудесно выразилъ эту мысль ~~въ слѣдующихъ строкахъ: „Une complète ... sages". Да, именно такъ бываетъ, когда~~ Послѣ словами, иногда человѣкомъ овладѣваетъ мучительная мысль, что можетъ быть ~~именно и его святыня~~ его святыня, то, что ему дороже всего на свѣтѣ — есть обыкновенная вульгарность, и, что на престолъ то нужно вознести именно обыкновенную вульгарность, пошлость, которая одна и представляетъ изъ себя неистребимую временемъ, вѣчную сущность жизни. Кто не зналъ этого мученія, тотъ значитъ не былъ еще даже у порога послѣдней загадки. Достоевскій назвалъ бы такого человѣка желторотымъ. Тому можно еще надѣяться на разумъ и искать въ разумѣ опоры. Тотъ можетъ считать наше знаніе совершеннымъ знаніемъ, тотъ можетъ въ проповѣди находить утѣшеніе и въ негодующемъ словѣ испытывать

чувство удовлетворенія отмстившаго человѣка. Тотъ можетъ и въ сознательномъ, разумномъ ученіи Толстого видѣть сущность его дѣятельности и его жизни. Тому можетъ доказаться, что послѣсловіе къ Крейцеровой Сонатѣ имѣетъ въ самомъ дѣлѣ какое нибудь отношеніе къ этому геніальному произведенію и въ восклицаніи Пьера „ахъ какъ хорошо, какъ славно", какъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ богословскихъ и моральныхъ трактатовъ Толстого онъ можетъ находить отзвукъ на свои задушевнѣйшія мечты ~~мысли~~ и даже признаки вѣчной вѣры. И ему ничего возразить нельзя. Ренанъ правъ; послѣдніе цѣли міра скрыты въ глубокомъ мракѣ и можетъ быть не случайно а по волѣ Творца міра. Но, если такъ, если въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ и не можетъ быть жизнь указаній, кто владѣетъ нами и чего отъ насъ требуютъ, если ~~міръ~~ нашъ ~~разумъ~~ (такъ устроенъ, что онъ равно допускаетъ самые противуположныя объясненія міровыхъ цѣлей, то, кто же можетъ заставить насъ жить въ мірѣ съ этимъ разумомъ?! Добро бы разумъ былъ бы всемогущимъ, могъ бы, или хоть не всемогущимъ, то хоть просто могущимъ справиться съ нашими хотя бы элементарными нуждами. Можетъ быть своекорыстность человѣческая соблазнилась бы матеріальными выгодами. Но всякій знаетъ, что наступаетъ моментъ въ нашей жизни, когда разумъ безсильно пасуетъ и не умѣетъ ничего для насъ сдѣлать. Какъ страшно и какъ ~~хорошо~~ чудесно объ этомъ разсказываетъ Толстой! И тогда ты возникаетъ у человѣка непреклонное рѣшеніе навсегда порвать

съ этимъ жалкимъ и коварнымъ союзникомъ. ~~Уйти изъ той сферы, кото~~
Что угодно — только не разумное. И тогда, только тогда, когда человѣкъ окончательно почувствовалъ невозможность жить съ разумомъ возникаетъ у него вѣра. Онъ можетъ быть и не знаетъ, что у него есть вѣра. Большей частью, онъ этого не знаетъ — т. е. онъ не думаетъ, что его измѣнившееся отношеніе къ міру заслуживаетъ такого названія, что оно вообще имѣетъ какую нибудь заслугу, чего нибудь стоитъ. Онъ думаетъ, что вѣрой должно называть приверженность человѣка къ какой-нибудь церкви, къ какимъ нибудь догмамъ, къ этическимъ ученіямъ ну по крайней мѣрѣ хотя бы интересъ къ такъ называемымъ послѣднимъ вопросамъ нашего бытія. А то, что въ немъ — все такъ дико, гнусно, безпорядочно, хаотично нелѣпо, отвратительно, все подлежитъ истребленію, уничтоженію. Безподобно о такихъ своихъ душевныхъ состояніяхъ разсказалъ покойный Чеховъ въ своей „Скучной Исторіи". Объ этомъ же разсказываетъ и Толстой во всѣхъ своихъ работахъ, и именно все то, что выводитъ насъ изъ нашего обычнаго равновѣсія, что разрываетъ, раздробляетъ на безконечно малыя части нашъ опытъ, что отнимаетъ у насъ радости, сонъ, правила убѣжденій и твердость все это — есть вѣра, все это есть моменты соприкосновенія съ мірами иными, говоря словами Достоевскаго. И, пока мы живемъ въ этомъ мірѣ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы вѣра была нашимъ постояннымъ душевнымъ состояніемъ. Человѣку нужна передышка, нужно ему вздохнуть и сказать, ахъ

по сколько въ нихъ отражаются оба пережитые имъ кризисы.

какъ хорошо, какъ славно, ~~ку~~ о смущуя-
на твердость, правило, почва. И, въ
силу того, что съ неза памятныхъ вре-
менъ человѣкъ пріучился думать, что
тамъ гдѣ ему хорошо, — тамъ гдѣ есть прочность и обезпеченность — тамъ и послѣд-
няя истина и вѣчное, не истребимое
временемъ благо, такіе душевныя
состоянія называются великимъ сло-
вомъ вѣра — они же потому и согла-
суются съ нашими знаніями и съ
нашимъ разумомъ, дабы общими
усиліями знанія, разума и вѣры создать прочный оплотъ для бѣд-
ного, предоставленнаго всѣмъ случай-
ностямъ жизни человѣчества. Дважды
взглянулъ въ лицо настоящей смерти
Толстой, дважды вырывался онъ изъ
власти предразсудковъ человѣчества
и много онъ разсказалъ намъ объ
томъ иномъ мірѣ, въ который звала
его страшная гостья. И оба раза онъ
вернулся обратно. Можетъ правъ былъ
Ахиллесъ: лучше быть поденщикомъ
въ этомъ мірѣ, чѣмъ царемъ въ мірѣ
тѣней и правъ былъ Эклезіастъ, лучше
быть ~~мертвымъ~~ живымъ псомъ, чѣмъ мертвымъ
львомъ. И Ренанъ былъ правъ, рекомен-
дуя не рисковать даже въ области
философіи. Но, повторяю, Толстой
сталъ Толстымъ только взглянув-
ши въ глаза смерти — и постольку,
но сколько онъ перестал и не хочетъ вѣрить
{въ жизненный механизмъ} въ истины нашего
традиціонныя истины. Его исповѣдь
кончается, какъ вы помните описа-
ніемъ приснившагося сиуска. Самое
замѣчательное въ этомъ раскопъ
не ~~символическій~~ моральный его смыслъ, какъ хочетъ

думать Толстой, и ~~неподобная~~, сюрпризная в своем роде передача ложки словидухой. Во этом нужно видеть великий символ, в этом и нужно искать разгадку толстовского ~~мышления~~. ~~Последний~~ кончается он такими словами: „и тут, как это часто бывает в сне, мне представляется тот механизм, посредством которого я дергаю, очень естественный, понятный и несомненный, несмотря на то, что на яву этот механизм не имеет смысла." Здесь весь Толстой. Он наполовину проб-) „и тот, который написал „Три смерти" и тот, который во второй раз, почти через полвека написал „Еще три смерти"
удился от сна жизни и чувствует, что естественность, понятность и несомненность вовсе не тот, к которому стремятся наши учителя, ~~строящие~~ трудящиеся с гимнами, ~~метафизикой~~ и ~~безбожными~~ Всем убедительность их учений пропадает сразу для того, кто может удержать открыть глаза. Вот что, по-моему, — Бог есть. Но почему-то совершенно ~~что-то~~ ~~что почти было~~ несомненно. . . .

Толстой возвещает нам освобождение ~~свободу~~ от разума, правил, единств, истин...

Вторую статью не попадется на глаза Толстому. Он ее видал теперь в особенности — так много пишут, что он судьба-ли в состоянии прочесть и сотую долю посвященных ему статей. Но, если попадется ему на глаза, он наверное скажет обо мне, как говорил в „Жизни" и „Безумной — не испугавшись ни инсульта, ни тюрьмы и ссылки."

конец стр. 152

Что мне? От этого нужно предостеречь. Я же закончу ~~статью~~ ~~о нем~~ ~~его~~ словами ~~неизвестного~~ ~~Т. Шекспира из которого~~ Шекспира из „Гамлета" ~~переведенного~~ „распалась связь времен" и прибавлю: мой мальчик, я надеюсь, не ударит в грязь лицом, что бы ни случилось на его веку, и не будет разбивать в дребезги ~~мои~~ ~~мальчик~~ ~~я надеюсь~~ ~~не ударит~~ ~~что бы~~ ~~случилось~~ ~~на~~ ~~его~~ ~~веку~~ ~~и~~ ~~не~~ ~~будет~~ ~~разбивать~~ ~~в~~ ~~дребезги~~.

Закончу словами Шекспира из „Гамлета" „распалась связь времен" и прибавлю: мой мальчик, я надеюсь, не ударит в грязь лицом, что бы ни случилось на его веку, и не будет разбивать в дребезги

ВК стр. 153

конец стр. 1

Теперь я золотой науки нашел, что
все лучше, чем то, что было прежде.

Vol VI 1er version?

Новые міры

(по поводу 80-лѣтняго юбилея Толстого)

Исторія можетъ назвать очень много именъ замѣчательныхъ мыслителей, но исторія не можетъ назвать ни одного человѣка, который бы зналъ истину. Изъ этого прежде всего слѣдуетъ, что при разборѣ сочиненій писателя можно отъ него требовать чего угодно — только не истины. Обыкновенно, правда, поступаютъ иначе. У писателя ищутъ прежде всего истины и, либо находятъ ее и тогда прославляютъ писателя въ самыхъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, либо не находятъ и, на этомъ основаніи, низводятъ его. Очевидно для всякого, кто хоть сколько нибудь интересовался исторіей мысли, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло либо съ наивностью и невѣжествомъ, либо съ недобросовѣстностью. Какъ можно ждать отъ человѣка того, чего не могъ до сихъ поръ дать не одинъ смертный? Правда, современная исторія философіи пытается представить великое дѣло отысканія истины въ такомъ видѣ, какъ будто бы мы постепенно, въ теченіи вѣковъ, все ближе и ближе подходимъ къ поставленной себѣ человѣчествомъ завѣтной цѣли. Будто бы каждое послѣдующее поколѣніе, принимая сокровища знанія, оставленныя ему предыдущимъ поколѣніемъ, въ свою очередь и отъ себя кой что привносить и, обогащенное новыми знаніями, передаетъ своимъ преемникамъ болѣе усовершенствованную мудрость. Но, такой

взглядъ на исторію мысли является лишь приложеніемъ общей теоріи прогресса къ отдѣльному случаю духовной дѣятельности человѣка и никакихъ другихъ доказательствъ въ свою пользу привести не можетъ. Поэтому для тѣхъ, кто не убѣжденъ въ правильности общаго положенія и выводъ едва ли покажется убѣдительнымъ. Успѣхи и удачи положительныхъ знаній отнюдь не знаменуютъ собою приближенія къ послѣдней истинѣ. Вполнѣ возможно даже обратное: чѣмъ больше у насъ положительныхъ знаній — тѣмъ дальше мы отъ истины. Лучшимъ доказательствомъ тому являются всѣ современныя теоріи познанія, ~~Посмотрите ли вы~~ какой бы школы они не держались. Прогремѣвшій недавно по Европѣ прагматизмъ, новокантіанство Марбургской ~~школ~~ или Виндельбандовско-Риккертовской школы, точка зрѣнія Маха и т.д. въ одинъ голосъ всѣ утверждаютъ, что наши знанія — сами по себѣ, а дѣйствительность сама по себѣ. Представители разныхъ школъ спорятъ между собою о томъ, что заставляютъ насъ конструировать наши научныя системы. Прагматисты, вѣрные утилитарнымъ преданіямъ, говорятъ, что кромѣ соображеній полезности, никакихъ другихъ у насъ не можетъ быть, идеалисты, и оборотъ, презирая пользу, говорятъ о безусловномъ долгѣ. Но всѣ безъ исключенія сходятся въ томъ, что знанія наши есть только суррогатъ истины, ибо, по самому существу своему, они обусловливаются болѣе или менѣе случайными, но во вся-

Конец службам человеческими воздухами.

Все въ одной голосъ утверждаютъ,
что въ концѣ концовъ нашихъ пожаловъ
сводится лишь къ расположенію по
всѣ внѣшности, воспринимаемые нами
отъ внѣшняго мира. Но, если это такъ,
если, значитъ, такъ называемой творчества
Немецъ изъ этого сталъ бѣшенѣйшую,
неистовѣйшую роль въ этомъ совершенномъ
значеніи, которое именуется наукой, что
осуществимо важнѣйшій вопросъ —